
Звезда Родина
Кир Неизвестный

Кир Неизвестный

Звезда "Родина"

Серия «Симфония космических грёз», книга 5

https://litres.ru/72983377
SelfPub; 2026

Аннотация

2031 год. Земля — кладбище, оставленное расой Рахни-Сары. Война закончилась, но цена победы оказалась непомерной: миллиарды погибших и планета, превращенная в лоскутное одеяло из аномалий: туман Скаб выжигает память и дарит забвение, Антитекстура перекраивает законы физики, а Песочница пожирает тех, кто еще дышит.

Люди, помнящие «старый мир», подобные главному герою, стали живыми артефактами. Корестер Ковач, ветеран 22-го отдела ФСБ, берется за самоубийственную миссию: доставить «Искру» в подземный институт Омега-Гэст. Эта реликвия — свидетель того, кем мы были до того, как небо стало чужим.

Пробираясь сквозь территории, захваченные мутантами синтетмера и механическими кошмарами Рахни, — Ковач внезапно понимает: враг не только снаружи. В подземельях Омеги зреет заговор фанатиков Нуклефизма, готовых принести остатки человечества в жертву своим темным догмам.

В этом месте забвение — единственный закон. Только хранители памяти способны указать путь к спасению, но на них объявлена охота.

Содержание

Толковый Словарь по книге «Звезда Родина» 5
Глава 1. Знакомство с миром Конфликта 19
Глава 2. Каменище 28
Глава 3. Делулу 54
Глава 4. Телекинетическая жрица 87
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Звезда "Родина"

Толковый Словарь по книге «Звезда Родина»

А

Антитекстура — искажённая реальность, воплощение аномальных проявлений нового мира, возникших после Конфликта. Это особая форма существования пространства, где законы физики нарушены, а материя пребывает в состоянии постоянного искажения.

Является одной из ключевых сил в мироустройстве, согласно учению Нуклефизма. В религиозной доктрине Сумеречного Братства Омега определяется как низшая, подчинённая сила по отношению к Скабу двуликому.

Проявляется через создание аномальных зон, где реальность выворачивается наизнанку, порождая опасные для человека явления. Считается, что Антитекстура — это не просто природное явление, а проявление божественного замысла в форме испытания для верующих.

В священных текстах Нуклефизма описывается как противоположность упорядоченному мирозданию, созданная для проверки стойкости веры и силы духа последователей истинной религии.

Б

Бронеходы Легиона «Стальные Стражи» — боевые механоиды, созданные во времена Конфликта технологиями Рахни, для противостояния землянам. Представляют собой бронированные боевые машины, способные действовать автономно. Изначально управлялись Рахни, но после Конфликта часть из них была приручена ветофанами.

Используются для защиты поселений от угроз, патрулирования территорий и проведения рейдов. Отличаются высокой боевой мощью, оснащаются различным вооружением, включая ракетные установки и крупнокалиберные пулеметы. Местные жители прозвали их «Бобиками» за склонность к взаимодействию с людьми.

Способны эффективно противостоять различным угрозам нового мира, включая мутантов и аномальные проявления. Несмотря на механическое происхождение, проявляют элементы самостоятельного тактического мышления в бою.

Г

Город Мегатонна. Мифический центр катастрофы —

гигантская структура из спрессованных обломков городов. Его очертания меняются; он притягивает искаженные воспоминания.

О-о-о! Этот всем известный проклятый город Мегатонна, центр былой катастрофы, в котором пропали (в том то и дело, что пропали, а не погибли) сотни тысяч человек. Поговаривают, что это первое место, откуда начала свой рост Песочница. Ну вы точно знаете про то место, в котором пропадает память. А еще Мегатонна являет собой странный мегалит — свидетельство гигантомании предков, который постоянно меняет геометрии и очертания. Поговаривают, что и физические свойства в Мегатонне не постоянны, хотя вряд ли это было правдой — из Мегатонны не было выхода, и даже если бы находился смельчак, вряд ли он смог что-то рассказать. А еще ходят странные слухи, что те, кто осмеливается проходить близко от Мегатонны подвергаются странному воздействию, искажающее воспоминания, а после и вовсе отбирающее их у несущего человека.

А теперь Песочница появляется везде, по всей планете. Но люди, не будь они настоящими людьми, и здесь нашли выход — они придумали Искру — воспоминания записанные на электронное устройстве. И хотя мало кто из них помнил для чего это нужно, но всегда, вспоминая своё прошлое, люди лучше понимали настоящее. И тогда им удавалось вновь отбрасывать подступающего врага, побеждать технологически совершенных Рахни-Сары.

Так было до последнего времени.

Д

Делулу — мутант, изначально порождённый паразитом БрейнРот, опасный хищник, передвигающийся на единственной деревянной ноге-шесте. Главный антагонист в религиозной доктрине Сумеречного Братства Омега, воплощение лжи и искажения в новом мире после Конфликта. Представляет собой опасное существо, созданное с помощью технологии синтетмера, характеризуется фарфоровой улыбкой и стеклянными глазами.

Является порождением Рахни, служит инструментом распространения иллюзий и обмана среди людей. В культе считается одной из основных сил зла, противостоящих Скабу двуликому и его последователям. Делулу часто появляется в аномальных зонах, особенно в местах проявления Антитекстуры, где искажает реальность и манипулирует восприятием жертв. Есть теория по которой следующая жертва, обязательно женского пола, обращается в Делулу таким образом:

1 Способ: так как жители мира Конфликта, так или иначе, потребляют отравленную воду синтетмером, то уже теоретически являются носителями технологии Рахни. В период овуляции и вовлечении жертвы в стресс, в организме вырабатывается кортизол — гормон стресса, который является

катализатором мутации.

2 Способ: при попадании жертвы в Антитекстуру.

З

Зоны искажения Скаб — (Скап, корочка на ране). Локации, где законы физики нарушены, звуки искажаются, появляются «отражения» умерших. Скаб — это особая зона искажения, окутывающая мир подобно корочке на ране Земли после Конфликта.Это не просто туман, а аномальная зона, где нарушаются законы физики: вода течёт снизу вверх, искажаются звуки, появляются опасные «отражения» умерших.Скаб выступает как двуликий хранитель: он одновременно дарует защиту живым и несёт забвение, стирающее память о прошлом. В религии Нуклефизма Скаб почитается как божественная сущность, способная оградить от ужасов нового мира.

И

Искра — священная цифровая реликвия, хранящая драгоценные воспоминания о мире до Конфликта. Это элек-

тронный носитель особой важности, содержащий записи последних свидетелей прежней эпохи. В эпоху забвения и искажённой реальности Искра стала последней нитью, связывающей человечество с утраченным прошлым. На флешках-хранителях записаны свидетельства стариков, помнящих жизнь «ДО», их бесценные рассказы о прежнем мире.

Подобно божественному откровению, Искра несёт в себе свет истины в царстве искажений и тумана Скаба. Она единственный способ сохранить и передать знания о прежней цивилизации, о том, как жили люди до прихода Рахни и Великого Конфликта.

В мире, где память становится валютой, а воспоминания реликвиями, Искра выступает как символ надежды и связи с утраченным. Она ключ к пониманию прошлого, необходимое условие для выживания в настоящем и строительства будущего.

К

Культ Сумеречного Братства Омега (Нуклефизм — Вера в Святой Ядерный мир Конфликта. Название священной книги — Нуклеон).

Философия культа

Основная доктрина строится на вере в существование пограничного состояния между жизнью и смертью, где свет

борется с тьмой. Последователи верят, что только единство братства может противостоять силам искажения.

Божественная иерархия

Скаб — двуликий хранитель, окутывающий мир туманом забвения и защиты

Великий Конфликт — священное испытание, определившее новый порядок

Антитекстура — воплощение искажённой реальности

Песочница — божество испытаний и проверок веры

Делулу — главный антагонист, воплощение лжи и искажения

Эхо — отвергнутый еретик, признанный воплощением зла

Главная цель Сумеречного Братства противостояние силам искажения и защита верующих от пагубного влияния Антитекстуры.

Священная книга культа Нуклеон, в которой записаны все истины веры и откровения Скаба двуликого.

Миссия последователей нести свет истинной веры, хранить чистоту учения и защищать слабых от сил тьмы.

Корестер — специалист по выживанию в условиях постконфликтного мира, бывший оперативник 22 отдела ФСБ. Профессионалы, занимающиеся исследованием аномальных зон и противостоянием угрозам Конфликта. Отличаются высокой подготовкой, автономностью и способностью действо-

вать в экстремальных условиях. Выполняют разведывательные миссии, спасательные операции и защиту населения от опасностей нового мира.

Н

Нуклеон — священная книга религиозного культа Сумеречного Братства Омега, содержащая основные догматы веры в Нуклефизм. В тексте изложены откровения Скаба двуликого, описаны божественная иерархия и основные постулаты веры. Книга является главным источником учений о пограничном состоянии между жизнью и смертью, где свет противостоит тьме. В ней зафиксированы все истины веры последователей, включая доктрину о священном ядерном мире Конфликта и противостоянии силам искажения. Служит руководством для верующих в их миссии защиты от влияния Антитекстуры и сохранения истинной веры.


Топи Ржавых Молитв
Перевернутый Собор
Область тумана Скаб
Область тумана Скаб
Огненные Титаны
Останкино
Область Антитекстуры
Опасность Делулу!
Криничье
Провал в Антитекстуру
Выветрие
Кислота
Область Песочницы
Кислота
Каменище
Мегатонна
Омега-Гэст
Легион
Стальные Стражи
- Не верь
- Не бойся
- Не проси
- Не беги
Умеренное братство
Опасность! Делулу
Портал в Песочницу
Опасность! Делулу
Выживальщик, запомни:
- вода грязная
- небо ржат
- молитвы ржавеют
- выживешь - молчи
Молчи

Глава «Преображение Святого Ядерного Мира Конфликта». Дата занесения записи не указана

Сообщение №… «ИСКРА» 2031 год

Из воспоминания Ивана Федоровича Незнанского. Кузнецкий спецназ, Поволжский Федеральный округ, 22 отдел ФСБ. 13 отряд (противодействие инопланетным захватчикам и иным угрозам КОНФЛИКТА) 26 июня 2028 год.

" 23 сентября 2027 года. Уже тогда стало ясно, что Атлас не способен прикрыть все угрозы, человечество вступило в горячую фазу войны с космическими захватчиками. Нами были применены практически все средства для подавления врага, но, к сожалению, почти ничего не могло противостоять технологиям Рахни. И тогда земляне прибегли к последнему доводу — ядерным ударам по воздушным базам инопланетян. И мы победили. Хотя,

на самом деле, конечно было не так. Рахни отступили, увели базы на Сун-Сэ, располагавшаяся на тот момент на эклиптике Юпитера, с противоположной Земле стороне от Солнца. И нам бы вздохнуть, но не тут-то было, Рахни вместо себя оставили множество аномальных зон, наподобие тех первых №6, вроде «Плато Путорана», с которой и началась экспансия. Но это уже история. А в настоящем нас ждал ужас и кошмар, вроде гравитационных ловушек, кислотных прозрачных сетей паутины, «живых мертвецов», Делулу и Антитекстуры, металлических кубов со вплавленными человеческими останками, и много чего еще непонятного и малоизученного. Но самая страшная из них, это, конечно «ПЕСОЧНИЦА», а все потому, что появляется она, как может показаться на первый взгляд, абсолютно в неожиданных местах, враз распахиваясь смертельной воронкой и утягивая несчастных. Началось с простых гражданских, с отцов, испытывающих вину за утрату родных, с матерей, потерявших детей, с чудом выживших и винивших себя за это. Да и как не винить себя отцу? На то и расчет был этих нечеловеков! Этого, будь он не ладен, РОЙ! Забрали тогда порядочно, будто мало было тех жертв, что унесла война! "

Летопись Рахни-Сары

Изобретение синтетмера. Свидетельство мутантов.

«Ветофаны стали боковой веткой производства синтетмера, вещества, запущенного взамен устаревших материалов, на базе которых производились боевые механоиды. Синтетмер был избавлен от необходимости воспроизводства хитиновых панцирей или же укрепления внутренних биоприводов на титановых столбах, вроде позвоночника живых существ. Рахни искали методы воспроизводства синтетов, наподобие хеттов, что удалось прежде посещавшей расе из звездной системы Родина. Именно хетты, первая человеческая цивилизация, населившая Землю. И, конечно, тогда это был не синтетмер. В те времена удалось получить почти настоящую плоть, выращенную в биологических микробных чанах, при помощи дрожжей полученных из стволовых

клеток жителей системы Родина (какая именно раса подарила свои клетки, осталось в тайне). Первые опыты с синтетмером принесли уродливые плоды, которые Рахни вынужденно уничтожили. Последующие, так же не принесли успехов, но вот много позже появились первые „Северянины“ (успешное соединение кислотного паразита БрейРота с мутагеном человеческого мозга и гиены) — бородатые великаны, обладавшие чудовищной силой и высоким интеллектом, а вместе с ними, как побочный продукт, Ветофаны — дефектная линия производства. Напомню, что опыты эти проводились в 2029 году, после прошествия Великого Конфликта, или второй год, после наступления Эры Атлас».

«Мимоиды и симметриады. Способы и проблемы изучения». «Хроники будущего»

Смерть профессора Селезнева

«В 2028 году, в первый год Великого Конфликта, при нападении на Омега-Гэст, погиб профессор Селезнев. Механоид Сар-Склит, похожий на паука, с тонкими составными ножками, соединенными из множества других разрушенных механизмов, а теперь воплотивший их всех в себе, и несший в десятках отростках-лапах головы первых человекообразных роботов, имевших глаза и рот, чтобы видеть, и чтобы кричать, неожиданно, проломивши бетонное восьмидесяти сантиметровое покрытие, свалилось буквально на головы жителям научного кластера „Гэст-Хаб“, разрабатывающий межзвездный ретранслятор».

Глава 1. Знакомство с миром Конфликта

2031 год, 22 сентября, 13.00. Бывший Поволжский Федеральный Округ, Пензенская область. Подземный город Омега-Гэст, приобретенные аномалии: Антитекстура, Песочница. Территория: Топи Ржавых Молитв.

«— Вот оно, смотри. - Протянуло существо. Было оно белесое, абсолютно лишенное волос, да к тому же и слепое. Точнее, глаза были, но не на лице. Странным было оно, пугающим: с кожистыми крыльями, выросшими в костлявой спине, прямо из того места, где у людей находятся так называемые лопатки. Не нос, а две черные точки, длинные костлявые руки, тонкие ноги, узкий безгубый рот, наполненный острыми, словно иголки, зубами. И глаза. Его глаза, которыми оно видело, когда раскрывало ладони. Именно в них, в

его ладонях, и были глазные яблоки.

А после профессор вспомнил тот день, когда ему показали видео в 22 отделе, про того невероятного погибшего человека, изувечившего себя тем, что вырвал свои глаза и показал их в раскрытых ладонях. Тот самый, что был "украшен" ожогами по телу - символами языка древних шумеров, предупреждавших о скором нашествии.

Пришелец с плато Путорана. Он еще что-то говорил тогда. Селезнев наморщил лоб, вспоминая. Вспомнил:

- Я видел АД».

- Люди вновь заговорили о Перевернутом Соборе. Они боятся. Боятся даже не смерти, боятся того, кто в этом проклятом Соборе. - Епископ Маркус, сорока семи летний мужчина, с седеющими висками и выбритым наголо затылком, в черной обрядовой рясе, с позолоченной цепью на шее и символом единства Нуклеона, в миру называемый Крадость, так же известный своей любовью к Подземельям Аутодафе и особо усердствующим в требованиях к проявлению любви к двуликому Скабу, скрестил пальцы двух рук, образовав "священный треугольник". - Не принимаю ересь Эхо.

- Воистину не принимаю. - Поддержал его Архиепископ Августин, тридцати двухлетний энергичный человек, с бритой наголо головой и головным епискальном высоком уборе, изображавший условный треугольник в круге. Его прозвали среди верующих "Искаженный", за то, что он склонялся к теории образования мира вслед за зарождением Антитек-

стуры, потому верил и транслировал на неофитов не просто туман забвения и защиты двуликого Скаба, но прежде всего проявления единственно верной реальности. Прежние Архиепископы отлучили бы его от Сумеречного братства только за то, что заветы нуклефизма безбожно предал анафеме, отринул единственно правильную веру в Скаб, а Антитекстуру преобразил в формирующую реальность аномалию. Хотя в истинной вере Сумеречного Братства все было наоборот: Антитекстура всегда являла воплощение искаженной реальности. - И что же говорят люди? Они как прежде, вновь подвержены ереси? Или порок Эхо возвратился извращать слабые умы новых братьев?

Они были вдвоем, в каменном зале, в одной из епископской комнат, Чертога Истины, храма "Падший Гигант". Раньше, еще до Великого Конфликта, храм представлял собой бетонный монолит двадцати пятиэтажного жилого здания, поделенного по соответствию достатка владельцев: от простых дельцов на нижних этажах, да акул крупного промышленного бизнеса на верхних. Но случилась страшная война, земля разверзлась от применения тектонического оружия, и высотка ушла целиком под землю. Тогда многие здания провалились, но именно эта оставалась целой и в нужном месте. Так редко бывало, чтобы здание было целым и еще реже, в нужном месте.

- Нет, укрой нас Скаб в своем забвении и защите! - Епископ Маркус тревожно оглянулся в поисках тайных слушате-

лей, прошелся из стороны в сторону, выбивая глубокие гулкие звуки из гранитного пола, прислушался к отраженному звучанию, и не обнаружив ничего подозрительного, подошел ближе к Августину, зашептал тихо, быстро, сбиваясь в жарком дыхании. - Об Эхо давно не слышно, не слышно с тех самым пор, как провалился он в Забытье проклятой Песочницы! Туда ему, окаянному, дорога! - Крадость вновь молитвенно сложил дрожащие пальцы и закатив глаза, зашептал молитву очищения:

- Да будет так!

Да сохранит нас сила единства,

Да не поколеблется вера наша.

Во имя братства, во имя истины —

- Да будет так! - Подтвердил Архиепископ, хотя ему всегда казалось, что Крадость немного переигрывает в веру, хотя, конечно, мысли эти были сущей крамолой. Уж кто, кто, а епископ Маркус с его рвением к знанию Доктрины Пограничных Состояний и мощью противостояний искажений, а также толкование священных текстов Нуклефизма, описывающих преображение Святого Ядерного Мира Конфликта, не оставляло поле для малейший подозрений. Да и к тому же рекомендации, пришедшие из самой Мегатонны, а точнее из Золотой Башни.... -"Да, уж, это не простой жук - настоящий упырь. Такой выпьет кровь, а потом помолится об отпущении грехов". Августин хотел было скривиться, но сдержался - Братство не терпело двоечтений между словами искрен-

ности и выражаемыми эмоциями. - Напомни, мне брат Маркус, что говорят священные тексты Доктрины об отступниках, вроде Эхо. - Хотя Августин и сам знал - в семинарии строго спрашивали знание основ, но хотел сделать подарок Крадость, что бы тот почувствовал хоть на незначительное время свою значимость.

- С удовольствием напомню, брат Августин. - Маркус встал в молитвенную позу, воздел сложенные руки к груди, и закатив глаза, зачитал на память:

Слово о Ереси и Отступничестве

Во имя Скаба двуликого, дарующего защиту и забвение, утверждаем мы истину сию священную.

Ересь есть зловонное семя, посеянное в души слабые и непросветлённые. Подобно ядовитому растению, прорастает она в сердцах тех, кто осмеливается противиться священной воле Скаба и отрицать его божественную сущность.

Отступничество — тяжкий грех перед Сумеречным Братством, перед священной миссией нашей, перед самим Скабом двуликим. Еретик, отринув веру истинную, разрывает нерушимую связь с покровителем нашим, подвергает опасности братьев своих.

Признаки ереси явлены суть в деяниях следующих: отрицание божественной сущности Скаба и его защиты священной; искажение догматов Нуклефизма святого; самовольное толкование текстов священных; распространение уче-

ний ложных среди братьев верных; взаимодействие с силами враждебными; попытки проникновения в знания запретные без очищения должного.

Братья верные, да не поддадитесь искушению ереси проклятой! Да храните веру истинную, да укрепляйте связь со Скабом двуликим! Да будет свет истинной веры вашей путеводной звездой в тёмные времена!

Аминь.

И да сохранит Скаб двуликий чистоту веры нашей, да очистит мир от скверны ереси, да укрепит дух братьев верных в борьбе с искушением отступничества!

Аминь. Аминь. Аминь.

"О, Скаб двуликий! - Думал Архиепископ, слушая и представляя все то, что в этот момент могло твориться в голове этого пройдохи Маркуса. — Вот кого он хочет обмануть свой набожностью? Скаб подаст? Скаб не просит и не оставит? Скаб то, Скаб сё.

Дудки!

Нет ничего, кроме этого, проклятущего тумана, забвения и искажения реальности. Нет ничего, чтобы утвердило божественную суть Скаба. Есть только эти проклятые аномалии, механоиды, монстры, да произведения синтетмера - гребаные искусственные мутанты.

Скаб! Да, что б вас всех там за ваш Скаб!"

- Аминь! - Поставил точку Августин. Он медленно повернулся на каблуках с позолоченными скобами - эту обувь ему

сделали на заказ из редкой твари, обитавшей в окрестности и погубившей множество невинных душ, Ил-Обнимателя. Пошел в сторону проема, открывающего вид на Омега-Гэст, распахнутый от пола до потолка одним прямоугольником, церемониальные одежды благородно зашуршали складками, капюшон, дрогнув уложенный в сборы, поплыл всед за ним. В голове ульем зароились мысли:

"Чертог Истины. Храм Падшего Гиганта. Что эти названия должны значить для людей, верующих в Братство? И что вообще может дать вера в божественную сущность Скаба? Действительно, почему они все верят в какого-то бога?"

Шаги по граниту пола отдавали в пространство глухой звук и придавали атмосфере нереальность и гипнотизм Антитекстуры, если и была такая.

"Есть туман, это никто не отрицает. Есть монстры в тумане, аномалии есть. Они существуют, их можно потрогать, и даже, если вовсе обалдел от доступности и возможности, сунуть голову в ту самую Антитекстуру. Или вовсе залезть в Песочницу, если жить надоело.

Они, все эти аномалии, монстры и прочее - есть. А что Скаб? Скаб двуликий и священный. Божественный и в проявлении своем сохраняющий умственное здоровье несчастных? Какой же бред!"

Подошел совсем близко к проему, и встал так, что носки обуви выступили над краем бездны. Двадцать четвертый этаж. Выше только купол веры. Сзади беспокойно, мелко и

дробно, пустым звуком полых каблуков затукали ботинки Маркуса. Крадость во всем, даже здесь, проявлял свою липкую, приторную заботу.

Скаб двуликий!

Если бы только он знал, что попадет в этот клубок со змеями, в бетонный мешок с льстецами и низкопоклонниками. Эти ублюдки с удовольствием, если бы имели такое право, запихнули его на нижние подземные уровни, гораздо ниже Гэст-Хаба, и там вывернули наизнанку в Подземельях Аутодафе, выведывая тайные мысли о ереси во имя святого Нуклеона.

- Господин, господин! - Затараторил Маркус, маяча где-то за спиной. Вроде вот беспокоится, но есть опасение, что этот мерзавец, в проявляемой любви подтолкнет его, Архиепископа Сумеречного Братства Омеги, легонько на пути к просветлению.

Августин посмотрел вниз - двадцать четыре этажа закончатся быстро. Он блаженно заулыбался. Так вот оно где. Вот этот короткий путь к свободе, минуя крепкие руки неофитов, так старательно страждущих по благодати Братства.

Так должно замкнуться кругу, описав все три вершины власти треугольника. Это и есть святая стезя каждого Верховного? Вот так шагнуть в бездну?

Он посмотрел вдаль, туда, где пыль над завалами еще давала простора взору, копошились темные точки-тире: жители Омега-Гэст, взращивающие осколки в бетонном крошеве.

Жизнь и там, внизу, текла своим чередом, люди освоились после Конфликта и победы над Рахни, возвели силовые поля, предохранявшие подземный город от нападений, вооружились до зубов. Хотя, порой казалось, что человек способен был больше себе навредить, нежели чудовища с поверхности.

А еще, метрах в пятидесяти под ним, между новой землей и Аутодафе Сумеречного Братства, располагались лаборатории Гэст-Хаба, наследие профессора Селезнева. Вот там, как поговаривали, создавался межзвездный ретранслятор, способный спасти все оставшееся человечество и уничтожить веру в Нуклеон. А вот этого уже допустить нельзя! Поэтому нуклефизм, или проще говоря вера в Святой Ядерный Мир Конфликта нуждалась в нем, в "Искаженном". В ЕГО власти над этим миром!

- Так что же известно о Перевернутом соборе? - Архиепископ развернулся к бездне спиной - еще не время, и гневно сверкая глазами, быстрым шагом направился в сторону лакированного черного стола, разрезавший свободное пространство на "ДО" и "ПОСЛЕ". Августин должен подписать папирус, венчающий собой право Аутодафе над еретиком, утверждавший ложность их религии. Проповедовавший среди братьев о наличии иного, нежели Скаб двуликий, бога.

Глава 2. Каменище

Город Каменище. 2031 год, 12 октября, 09.53 Бывший Поволжский Федеральный Округ, Пензенская область. погибший каменный город Кузнецк, приобретенные аномалии: Антитекстура, Песочница. Территория: Топи Ржавых Молитв.

А что же в образе городов? Да ничего - не осталось больше городов, так, горы бетонного мусора, бляшки псориаза на почвах, явления, когда на грунте высыхало пятно, образуя корку, а сверху прорастал волосянистый покров из тонких белесых червей, колеблющихся на ветру, будто настоящие волосы. А еще солнечные ожоги, кератомы, как предвестники раковых опухолей самой Земли, после, перерождаемых

в ядовитые болота, отравляющих губительными водами большие участки. И, конечно, вечная марь на небе, вместо облаков и Солнца, вместо дня, света, тепла, радости и счастья. Возможно, человечество и заслужило наказание, но неужели оно должно было стать настолько ужасным?

Каменище, город, построенный на торчавшем, словно сломанный одинокий зуб в рыхлой десне, холме, образованный из руин довоенного города, размещался у самой подошвы Топей Ржавых Молитв, местности уникальной и ужасной одновременно. Он, так же, как и тот зуб, еле держался, выталкиваемый землей наружу. Но еще пока держался, и потому держались за него люди. И даже то, что он вечно омываемый с четырех сторон Скабом, так и остался непреклонным бетонным солдатом.

Кажется, тогда, в те далекие времена, о которых не помнили самые дряхлые и изжеванные бахромой морщин старики, когда еще ярко грело желтыми лучами ласковое С-О-Л-Н-Ц-Е, он назывался Кузнецк. Славный, видимо был городок. А теперь всего пара кварталов, серо-черных-точка-тире, из светло-бетонных и закопчено-бетонных пятиэтажных домов-улиц.

То были знаменитые неуязвимые и могучие Хрущевки в Каменище.

Вроде так назывались эти пятиэтажные дома, теперь дарящие своим жителям некое подобие защиты и вполне себе сносный уют, излучаемый теплом живых созданий. Но так внутри, а снаружи бескрайний туман и не сменяющаяся иным цветом серость. Без ветра, без Солнца, Луны и звезд. Хотя молодое поколение уже и не знает, что такое есть небо. Они вообще мало чего знают, а просто словами этого не объяснить. Зато они сделались чрезвычайными знатоками, модного в миру Скаба, нуклефизма и культа сумеречного братства Омеги. И хотя старики поругивали их, но не могли остановить заразы распространения Веры в Святой Ядерный Мир Конфликта, насаждаемой паломниками Храма "Падший Гигант".

Промозглость во всем, пробирающая до костей.

Эта сырь пронизывала насквозь, сквозь одежду, запускала ледяные ладони под кожу, отделяла мясо от костей. От сырости часто болели, быстро чахли, а кожа и вовсе приобретала оттенки серого. А еще туман насаждал слизь на стенах подъездов домов, такая же была в Антитекстуре. Местные даже стали поговаривать, что Каменище скоро сгинет, если не делать ничего. А что толку, если никто не знал, что делать. Хотя знали, знали клейкие и вороватые на людские беды и несчастья священнослужители, дарующие забвение веры в забвении Скаба.

Но у Скаба не бывает иного выбора, чем то, что уже окружает одинокие кочки-пеньки уходящей цивилизации на То-

пях. Скаб - проклятие прошедшего Великого Конфликта. Скаб, щедро дарящий этому мирку вечный туман и, после с процентами забирающий память о прошлом. Скаб, дарящий забвение.

Никто не знает, как появился вечный туман Скаб, никто им не может управлять, но старики, которые помнят, как было "ДО", говорят, чтоСкаб растворил боль, утопил в своих невесомых водах утрату. И будто легче от этого становилось. Легче жить, когда люди не могли вспомнить, кем они были.

Теперь жители Каменище привыкли к такому порядку, все при делах, даже детишки озоруют. Живут как-то себе на возвышенности, словно на воспаленном чирье, выросшим на месте, где раньше процветала жизнь. И вроде плохо, но и хорошо одновременно. Часть уцелевшего, осколки былого. Теперь их смогли защитить от угроз настоящего. Уберегли от Песочницы, дьявольских происков и этого Сатаны - Делулу.

Да и польза все же была в том, что жили на холме - бывало возникающий из ниоткуда неспокойный ветер подхватывал и относил кучистый туман Скаба в стороны, рвал тот на полотнища. И тогда он раздвигался портерами сказочного театра, оголяя пространство, делая его недостижимым после теснин серости.

Для них, жителей Конфликта, становился доступен горизонт. А вверху, в глубине ультрамарина, теперь такими заметными, необычные, а потому знакомые, медленными жирными гусеницами плавали "Хранители бури" - огромные

автоматические пароэлектрические дирижабли, снабженные автоматическим развертыванием парусов. Еще одна бесполезная военная технология Рахни.

В такое время жизнь в Каменище останавливается, люди сбиваются стайками, выходят на смотровые площадки и встречают лучи Солнца. И кажется, что они вспоминают, как было раньше, без этого тумана. Вспоминают о том времени, когда светило Солнце и как было от этого хорошо. И тогда они улыбались улыбками из прошлого - беззаботными, счастливыми, возникшими просто так. Просто от того, что хорошо жить и легко дышать.

А через пару часов, Скаб вновь крадет горизонт, люди возвращаются в серо-черные точки-тире, наполненные отчаянием, которого они в силу привычки отучились замечать.

В Хрущевки.

В темноту подъездов, к осколкам-блюдцам площадных окон. И дальше, прятаться за дверьми квартир, чтобы вновь дождаться ветра, меняющего их жизни.

В городе свои негласные порядки, без которых очень сложно жить. Выживать можно, а вот жить - сложно. В Каменище жители жмутся ближе друг к дружке, ищут тепла и общения, хотят слышать знакомые голоса. Выбирают места поблизости с соседями, однако дальние и сироты-дома обходят стороной, не делят с ними крупицы человеческого уюта. И если занимают редкие целые жилые помещения, то только затем, чтобы забить их скарбом, найденным на разбитых

бетонных осколках бывшей великой цивилизации.

А еще от прежнего названия и прошлой жизни, остался полуразрушенный каменный мост, тускло переливающийся свинцом, отраженным от ряби протекавшей под ним реки. Это последний целый мост, соединявший два района города, через ядовитую, испускающую зеленые пары, реку Веснушку. Два района города: Привеснушный жилой и Нижний Берег пустой. Поговаривали, что Нижний Берег облюбовали мертвые, хотя очень похоже, что просто врали, чтобы оградить особо любопытствующих от посещения потенциально опасного места. Да и переправа через ядовитую реку не всегда бывала спокойной - речные мутанты порой осмеливались настолько, что могли попытаться напасть на проходящих по мосту людей.

Веснушка.

Забавное название для ядовитой реки, учитывая всю её опасность. Местные поговаривают, что во время Конфликта, Рахни, активно заражая всё вокруг синтетмером, бесконтрольно вылили десятки тысяч тонн этой заразы в воду, и та сразу покрылась зеленой ядовитой пленкой. А уже к следующему году, из Веснушки повылазило всё то, что до этого мирно существовало в ней, и попыталось поохотиться на сухопутных существ. В те времена еще не было Скаба, и поэтому водным мутантам не особо удавалась охота - их просто раньше замечали, прежде чем те, изловчившись и выползая из воды, готовились напасть. Неуклюжие твари. Да и все

те существа, которыми заселяли Землю инопланетяне, сами не прочь были полакомится свежим мясцом, само появляющееся из воды. Не говоря уже о многочисленных механоидах, ветофанах и Северянинах, с удовольствием расстреливающих легкие мишени.

Но и водяные монстры не так просты были, и отвечали порой вспышками агрессии, с которой не могла справиться хваленая броня "Стальных Стражей". Казалось, что разразившийся обоюдосторонний смертельный промысел речных и сухопутных существ завершил разрушение города, окончательно превращая его в современное Каменище. А потом пришел Скаб и водные, а с ними и земные, твари совсем пропали. Никто из местных не мог, да и не собирался, пролить свет на тайну этого феномена. Просто забыли о существовании мутантов и стали жить дальше.

И все же кое-какие из сухопутных были. Они вернулись после того, как пропали Северянины, а ветофаны наводнили прилегающею к городу долину. И насколько же разнообразны они были, эти нелепые и неуклюжие твари - ветофаны, болтавшиеся вытянутыми телами на легком бризе из стороны в сторону. Здесь были знакомые модели и новые. Всем им дали имена: Изабеллы, знойные Руби и даже был один семейный набор Эдит с "дочками".

Это они, ветофаны - ошибка генной инженерии лабораторий Рахни были теми бесполезными, бесполыми полумеханическими созданиями, способными лишь на бессмыслен-

ное моргание и открытие рта. Вроде хотели что-то сказать, возможно даже значительное, судя по их стараниям, но не могли. Но вот "новые" модели, те, что появились с приходом Скаба, неожиданно проявили интеллектуальные способности и смогли приручить боевые двуногие бронированные танки-механоиды, также называемые во время Конфликта Бронеходами Легиона "Стальные Стражи". А после и вовсе организовали атаки на Каменище.

И почему-то именно тогда никто из местных не задался вопросом с чем связанно такое качественное улучшение. А зря.

Но прежде ветофаны настолько осмелели и поумнели, что научились прокрадываться под покровом тумана в город и заглядывать в окна, к спящим людям. Что они хотели, жителей не особо сильно интересовало, но страха эти существа нагнали порядочно. Поэтому на них объявили сезонное сафари, когда туман Скаба позволял видеть больше, чем на сотню шагов впереди. Некоторых постреляли, а самых забавных отлавливали и сажали, в нечто похожее на местный зверинец, на потеху детям. Но вот что интересно, оказавшись среди людей, ветофаны принялись проявлять нечто схожее с эмпатией и даже некоторые из них, вместо идиотского бессмысленного открытия рта, пытались улыбаться детям, протягивали к ним руки. Одним словом, жуткое и противное зрелище. Хотя детям нравилось и те беззаботно и восторженно визжали, играя с новыми игрушками с болот.

Жители каменного города, даже к такому старались с позитивом относиться, хотели прибавить несуществующей доброты всему, что их окружало. Они даже вооруженным до зубов и особо опасным Бронеходам Легиона - отголоскам былой войны, что нет-нет, а наведывались к ним с неопасными рейдами и еще ни разу не открывавшим огонь на поражение, дали забавные клички "Бобики", за привычку тех "тянутся к людям".



Вот и вчера на город была организованна масштабная "атака" из остатков некогда разбитого на полях сражений войска Рахни, возглавляемая убогими "недосинтетами" - ветофанами. Как им удалось приручить "Бобиков", оставалось не ясно. Но как-то было забавно смотреть на кавалькаду из мехколонны бронированной техники, оседланной существами, похожими на людей, только имевших пружины и гибкие рыжие трубы, вместо центральной части туловища. Часто их прежде замечали у подножия Каменище, болтавшихся из сторону в сторону под легким дуновением неощутимого бриза, порой окруженные еще более противоестественными Тенебродцами, и потому не предполагая в них разума, не вмешивались в их простую жизнь, считая тех вроде диких животных, что до Конфликта, могли вот так же мирно пастись на зеленых полях, как сейчас эти страшилища бесцельно бродили по долине.

Но вот что странно было, в долине, где могли бы присутствовать все то же самое, что было возле других городов, вроде смертельных кислотных мутантов, аномалий по типу Песочницы или Антитекстуры, или вовсе смертоносных и самых опасных тварей - Делулу, ничего подобного у Каменище не было. Жили здесь довольно спокойно, особо не опасаясь за маленьких детишек. Даже не опасались водяных мутантов, раньше наводнивших Веснушку. Будто пропало все зло. Растворилось в мути Скаба.

А потом появился он, потерянный во времени странник.

Корестер по имени Ковач. Израненный и изможденный, он был очень молчалив и каким-то неестественным недоверием смотрел на жителей Каменище. Они, конечно, его подобрали, подселили к такой же одинокой женщине, к Марии, думали, что одна безродная душа приклеится к другой сиротливой.

Мария, средних лет и довольно привлекательная женщина, потерявшая мужа, бывшего военного, на Топи Ржавых молитв, ныне обращенного паразитом БрейнРотом в Ил-Обнимателя, решилась, приютила неприветливого странника. После обращения мужа она приняла его ужасную судьбу, закрылась от людей, неся в одиночестве свое горе. А сердце, наполненное острыми льдинками, напоила токсином разочарования. Так и жила бы себе на границе людского мира, в Привеснушном районе возле самого каменного моста, соединявший с Нижним берегом на той стороне и населенный, по слухам, "Отраженными" - живыми мертвецами, ходячими трупами "выплюнутыми" некогда Атитекстурой. Да вот разглядела в корестере надежду.

Он, конечно, вовсе не был похож на её погибшего мужа: жесткий, колючий, молчаливый, но одновременно с этим сильный, волевой, уверенный и, она была не уверена в определении, но ей оно казалось хорошим - брутальным. И почему-то Мария для себя приняла тот факт, что он именно тот, кто сможет своей волей разбить в дребезги её стылое царство.

Стала готовить ему, гремя посудой на кухне и что-то напевая под нос, ворчала на него, когда он угрюмый, топтался на пороге в грязной обуви, чинила его одежду, создавала уют. И как-то раз, стоя у стола и нарезав нехитрой еды, почувствовала давно забытое, утраченное, как ей казалось навсегда - улыбку на своем лице. И тогда она растопилась, запорхала вокруг Ковача легкой походкой, заглядывая ему в лицо и ища ответа её чувствам.

А он все больше отстранялся от неё, уходил в себя. Боялся её взглядов, её глаз, полных то радости, то отчаяния. А Мария вдруг поняла это как личное оскорбление, неприятие её заботы, птиц давно не было, а его молчание как признак равнодушия. И тогда она не выдержала, попыталась силой пробиться сквозь его каменную стену. Плакала, молила быть мягче с ней, говорила о своем одиночестве и как тяжело быть одной. Но вместо понимания получила еще большую отстраненность. И тогда она отступилась.

А для жителей Каменище, они будто два одинаково заряженных полюса отталкивались друг от дружки. Вроде и вражды нет, но и притяжения нет. Обходили один другого стороной, даже желания общаться у них не возникало. Так может все этим и завершилось, но однажды, к ним в каменный город явились миссионеры Культа Сумеречного Братства Омега, из самого Омега-Гэст, со своим философски вязким и морально липучим учением Нуклеона. Они не впервые, испытывая свою веру и терпение Скаба, пробира-

лись через вязкие и цепкие объятия Топи Ржавых Молитв. Имея не дюжею смелость или глупость, а может то и другое, рискуя не только своими жизнями, но и душами, приходили сюда, в Каменище, проповедовать религию Двуликого. О том, что Скаб мог быть богом, не верили в каменном городе, но всегда с удовольствие слушали величественные и распевные речи людей в черных рясах и бритыми затылками. Вот и сейчас, собравшись на центральной площади, они вкушали духовной пищи.

- Благодать Скаба да пребудет с каждым, кто услышит слово моё. - Их было трое, на шеях церемониальные золотые цепи с символами Братства - треугольник в круге. Собрались на высоком холме, возле самой ядовитой реки, исходившей испарениями и добавляющей мокрую взвесь в, и без того, влажную серость Скаба. Сбоку от них растворялся в мари, уходивший на Нижний берег, в город мертвых, каменный мост, а прямо перед развернулась щербатыми осколками бетонная улица Привеснушного района, самая окраина живого города. Тот, что в центре, худощавый мужчина, представившийся братом Филиппом, видимо старший из них, воздев руки вверх, громким горловым голосом, нараспев, обратился к жителям Каменище. - Я, смиренный служитель Сумеречного Братства Омега, несу вам свет истинной веры в Нуклеон и могущество Скаба двуликого. - Смиренно опустил голову, замолчал, возможно ожидая рукоплесканий, но видимо увлекшись, позабыл, что в каменном городе о боге

двуликом, о боге Скабе не слышали. Вот о Скабе, о тумане и явлении неведомых полунаучных экспериментов инопланетной расы Рахни слышали. Но не о боге. Хотя никто не расходился - было интересно послушать небывальщину от редких гостей.

- О, сколь заблуждаются те, кто отвергает священные истины! - Брат Филипп закатил глаза и возмущенно потряс руками, обращаясь к одному ему видимому собеседнику - толпы собравшихся он не замечал. Рядом стоящие братья культа святой книги Нуклеона, скорбно повесили головы, ожидая продолжения проповеди. - Они видят лишь тьму Антитекстуры, но не замечают света благодати, что проливается на верных последователей. Они страшатся Песочницы, но не ведают, что лишь в вере находят защиту от всех ужасов Конфликта.

- Ом-м-м. - Протянули поникшие головами двое по бокам в черных рясах Сумеречного Братства.

- Скаб двуликий дарует нам забвение и защиту. Забвение от ужасов прошлого, защита от кошмаров настоящего. В его божественной сущности заключена сила, способная оградить нас от всех бед этого мира. И мы, верные последователи, храним эту истину в своих сердцах.

- В наших сердцах. - Вторили двое по бокам. Они все так же не поднимали голов, повинуясь силе божественного голоса.

- Доктрина Нуклефизма — путь к спасению. - Здесь брат

Филипп сделал многозначительную паузу. - Она учит нас, что в ядерном огне Конфликта родилась новая эра человечества. Эра, где синтетмер стал не проклятием, а благословением. Где аномалии — не наказание, а испытание веры.

- А что двуликий бог говорит об Ил-Обнимателях? - Звенящий от ярости женский голос прервал стройную проповедь Сумеречного Брата. Это Мария хотела услышать правду о своем пропавшем муже. или хотя бы достоверную ложь. - Ил-Обниматели это наше будущее или забвение. Делулу — вот наша благодать? - Толпа недовольно загудела, поддерживая справедливое возмущение. Кому, как не им, живущим бок о бок с Топями, не знать всех её проклятий.

- Ом-м-м. - Протянули поникшие головами двое по бокам в черных рясах Сумеречного Братства. Им не было дела до беспокойных в быту простолюдинов - у всех Братьев высшая цель абсолютна и блаженна. Для них одних и последователей-неофитов она достижима и столь близка.

- Я вижу, как многие колеблются в своей вере. - Миссионер, стоящий в центре и закатив в набожном трансе глаза, не слышал гласа вопиющих. - Как шепчут еретические речи о существовании иных сил, помимо Скаба. - Горячо зашептал он. - Но знайте: всякая ересь — от лукавого. - Громко прокричал, распугивая несуществующие страшилки в близком тумане, собирающимся над Веснушкой. - Всякий, кто отвергает учение Сумеречного Братства, отрекается от защиты двуликого покровителя нашего.

Дико, гортанно и неожиданно резко закричала болотная птица, не бывшая ею. Птиц вообще давно не было, почти никто не помнил, как они выглядят, но однажды подсказанным стариком, живший с ними и помнящий как было «ДО», правда не все и не всегда, горожане стали подобные крики называть птичьими. Но точно знали одно - эти крики приносили с собой беду. Местные беспокойно заозирались, ища причину истошных криков.

- Да что вы говорите! - Вдруг воскликнули в рядах горожан. Кто-то еще позволил себе не согласиться с убеждениями миссионеров. Для них Большого Сияющего Города, как говорили об Омега-Гэст, просто не существовало. А если кто-то и рассказывал, клялся в том, что видел своими глазами, верили ему так же, как верят в детские россказни.

- Пусть же свет истинной веры разгонит тьму сомнений в ваших душах. - Не обращал внимания на неверующих, брат Филипп. Он не мог остановиться, ведь дьявол сомнений играл на струнах этих несчастных, и он должен побороть этого Сатану. - Примите учение Нуклеона, склонитесь перед могуществом Скаба, и да будет вам спасение в этом мире, полном опасностей и испытаний.

- Ом-м-м. - Протянули поникшие головами в черных рясах Сумеречного Братства. Они так ни разу не подняли голов, не заглянули в глаза своей потенциальной пастве.

- И пусть каждый, кто слышит меня ныне, запомнит: лишь в единстве с Сумеречным Братством Омега, лишь в покло-

нении Скабу двуликому найдём мы путь к спасению в этом мире, где реальность искажена Антитекстурой, а тьма грозит поглотить всё живое.

- Да хранит нас Скаб в забвении своём и дарует защиту от всех бед. Аминь.

И тут случилось это.

Лицо брата Филиппа исказилось, а тело охватила необъяснимая дрожь. И тут на Каменище налетел сильнейший порыв ветра, сорвав покрывало мари и обнажая уродство настоящего мира. Мира, которого для них не существовало из-за вечного Скаба, и даже в те времена, когда ветер и срывал мутную оболочку, он никогда не обнажал естество кошмарной картины. Привеснушный район был совсем плох - Хрущевки напоминали поваленные бетонные доминошки, с черными точками провалов окон, в которых отсутствовали стекла. Грязь повсюду. Разбитые автомобили выделялись в сером полусумраке торчащими в стороны геометриями: треугольниками, вывернутыми квадратами и нечеткими овалами. А в подъездах домов перетекала сверху вниз и наоборот, колючая темнота - её теперь, уцепившуюся за жизнь горожан, не выковырить, не выдрать, присосалась будто клещ-кровопийца. А вот на мосту прикормилась какая-то мочала - вон свисает себе до самых зеленых ядовитых вод Веснушки, и качается себе, вовсе не попадая в такт появившемуся ветру. И дальше - Нижний берег, где, как верили горожане, приютились в дальних домах "Отраженные" - живые мертвецы,

что выплюнула Антитекстура. Взяла живых людей, пожевала своими беззубыми деснами, а после отхаркнула их, но уже напитанных её смертельной слюной. И теперь они все, все там, на дальних подходах, зашевелились мусорной кучей, повыдавливались из бетонного боя. Стоят, смотрят через реку. Смотрят и видят живых, и черт знает что у них в это время в башках рождается. Но хорошо, что стоят. Пока еще стоят. Но вот, что плохо, так это то, что за ними, там, где Каменище примыкало к Топи Ржавых Молитв, зашевелились с десяток теней на одной единственной высокой ноге. Дьяволы Делулу.

- Скаб двуликий! А-а-а! - Брат Филипп, выворачиваемый жилами изнутри, развел в сопротивлении невидимой силе, руки в стороны, его пальцы согнулись крючьями и извивались будто змеи, а голова, запрокинувшись на спину, обнажила в шее неестественно острый кадык, который ходил вверх-вниз, будто пытаясь вытолкнуть нечто, застрявшее у миссионера в груди. И тут раздался страшный треск, грудь священнослужителя поддалась напору изнутри, а потом и вовсе лопнула, словно переспелый гранат, окатив близко стоящих зевак коричневой густой жижей, вероятно некогда бывшей кровью.

- Бегите, бегите! - Заорал Ковач, внезапно ощутив в себе невероятную силу. Но люди не могли стронуться с места, завороженные действом.

Брата Филиппа уже ничего не могло сдержать, из груди вырвалось огромное зеленое облако, попало на десяток бли-

жайших людей, окутав, а те запоздало закричали, чувствуя обжигающее прикосновение чумного облака. И вот это облако уже прожгло им кожу, запузырилось черными язвами, обнажая белые кости. А несчастные все не умирали, страшно крича и извиваясь в муках. Странно, но они не упали, продолжая стоять на ногах.

Ил-Обниматель! - Заорал Ковач. Он откинул полу плаща, выхватил из древней кожаной кобуры пистолет, не целясь начал на спусковой крючок. Прогремел оглушающий выстрел - местные давно ничего подобного не слышали, очнулись, стряхивая оцепенение, хаотично размотались черными точками, образовав водоворот и потянулись в глубь Привеснушного.


Silent Hill

И тут очнулись двое в обрядовых рясах, стоящих по бокам брата Филиппа. Они уже не скрывались, скинули капюшоны, обнажая уродливые кожистые лысые головы, а вместо ртов - уродливые черные жвала. Дико, истерично заверещали, сразу напомнив о криках несуществующей птицы.

- Рахни! - Заорали до смерти перепуганные люди, еще помнившие главных врагов человечества. В толпе истошно завопили женщины, заплакали перепуганные дети, мужчины остановились, пытаясь заградить собой убегающую толпу.

Жнецы не стали ждать, когда люди успеют забежать в бетонные дома-ульи, в Хрущевки, открыли огонь из энергетического оружия, моментально превращающее людей в золу и пепел.

Ковач, увернувшись от очередного выстрела, спрятался за кучей бетонного боя, осторожно выглядывая и ожидая удобного момента для своего выстрела. Он видел, как брата Филиппа, уже не бывшего им, затягивала пленка амниотического пузыря, скрывая голову, туловище, затягивая в себя руки. И только ноги, развернутые друг к другу под углом, все ещё были человеческими.

Ковач вновь выглянул из-за бетонной бляшки, удачно сформировавшаяся здесь и скрывающая его, чтобы осмотреться, а когда вернулся, ОНА была уже здесь. Делулу, чертова кукла синтетмера. Перегнулась через осколки бетона, заглядывала в его лицо стеклянными глазами и улыбалась

кривой фарфоровой улыбкой. Ковач заморозился, понимая, что даже кровь в его жилах превратилась в лед. Несомненно, он понимал, что это его смерть стоит перед ним. Ужасная, мучительная,бесконечная.

Пум, пум, пум.

Засвистело подлетая, а потом резкий хлопок и земляное крошево, с примесью чего-то влажного и липкого, осыпало его.

Пум, пум, пум.

Уродливая голова со стеклянными глазами и рваной фарфоровой улыбкой, взорвалась, оглушая его звуком. Ковач ошарашенно смотрел на осколки фарфора, точащие из остатков шеи и бессмысленные рваные движения некогда опасного существа. Раздался неожиданный деревянный стук из-за насыпи, он осторожно высунулся, осмотрелся. Одинокая палка, деревянный шест, на котором перемешалась болотная тварь, в судороге билась о камни, вызывая этот звук. Корестер посмотрел вдаль, благо Скаб еще не затянул горизонт, и удивился. На Нижний берег наступало импровизированное войско Бронеходов Легиона "Стальные Стражи", на верху механоидов ехали ветофаны, видимо управлявшие ими.

Пум, пум, пум.

Серые дымчатые хвосты от запуска ракет, прочертили трассы пуска ракет, обозначая одного из ракетоносца Легиона. Рядом перемещались более ловкие и мелкие механои-

ды, вооруженные крупнокалиберными пулеметами и добивающие всякую мелочь, вроде "Отраженных". Нападавших с Топи почти не осталось - редкие Делулу пытались дать отпор Бронеходам и иногда им удавалось завалить нескольких из них. Но в основном они становились жертвами многотонных механизмов, в неумолимой и неукротимой атаке, уничтожавших пришедших. Только не понятен был мотив неожиданно поменявших сторону противостояния Легиона. Хотя, начинание было верным.

Пум, пум, пум.

Очередная порция ракет разметала остатки нападавших, и можно было подумать, что атака раздавлена превосходящими силами, если бы не одно обстоятельство. У импровизированной сцены, где ранее брат Филипп вещал о важности веры и исключительности его религии, и теперь от которого осталась лишь нижняя часть, стоял один из уцелевших Рахни. Он сильно "кровоточил", если так можно сказать о синий жидкости, обильно вытекающей из многочисленных ран, но все ещё держался на ногах. Ковач инстинктивно выхватил пистолет, нажал на спусковой крючок.

Ничего.

Нажал снова и снова!

И вновь сухое клацанье металла, бесстрастно говорящего, что магазин пуст. Он судорожно ощупал разгрузку, понимая и холодея от мысли, что, собираясь "развеяться", не брал необходимого запаса и проигнорировал основное свое

правило перед любым выходом:

"Идешь на час, собирайся на день. Уходишь на день, готовься к тому, что не вернешься".

- Дьявол! - Ругнул он свою беспечность.

Рахни поднял руки, в которых обнаружился странный, графитового цвета, предмет, нажал на невидимую кнопку, и казалось, что ничего не произошло. А потом Ковач услышал.

Странное шипение, будто водяная воронка втягивала воду с воздухом, и совсем не давилась, словно ей было мало. Ковач посмотрел туда, откуда шел звук и обмер. Вместо Каменище висела в воздухе черная воронка, в которую утягивало каменные дома, останки машин, бетонный бой, сожженный грунт, испепеленные останки чего-то, и.... Людей. И как ему показалось, он видел, как в этой воронке провалилась Мария. Котловина Песочницы, хоть и не являла "Вывернутый наизнанку город", была той самой, в которую и до этого проваливались беспечные караванщики или вовсе безумные в своей необузданной психичной храбрости странники-одиночки, и оказалась еще одним оружием, применяемым Рахни против землян. Он не верил, что война окончилась, и вот тому доказательство!

Пум, пум, пум.

Рахни, стоящий со странным предметом и вызвавший проявление Песочницы лопнул синим, забрызгав рядом стоящее ополовиненное туловище брата Филиппа. Котловина Песочницы с противным чавканьем беззубого рта захлопну-

лась и растворилась в воздухе, унося с собой весь Привеснушный район с его жителями и домами. Можно сказать, что на этом закончилась история очень человечного городка Каменище.

Он приподнялся из-за укрытия, не моглось больше отсиживаться в этом стылом месте. Корестеру казалось, что вместе с Привеснушном захлопнулась его душа, было вновь раскрывающаяся навстречу добрым людям, приютившим его. Отогретая лаской Марии. Теплой, нежной, доброй, сердечной Марии. Хотелось завыть, но не мог. Все слова, звуки, забили глотку колючкой, и он не мог её протолкнуть, чтобы хоть как-то отметить свое горе.

Он посмотрел туда, где Стальной Легион додавливал своей многотонной массой брони пришедших с болот, туда, где наползавший серым облаком Скаб, скрывал в забытье недавнее побоище, и хотел было идти ему навстречу, подобно безумцам, добровольно кидавшимся в Песочницу, как его кто-то окликнул. Он обернулся.

Перед ним стояла ЕГО Мария на одинокой деревянной ноге-шесте, смотрела на него еще не стеклянными глазами и улыбалась пока еще не фарфоровой улыбкой. Хотела что-то сказать, но не смогла разлепить губы, огорчилась и почти бы могла разрыдаться чисто по-женски, но не могла. Делулу и кислотный паразит БрейнРот с античеловечной технологией синтетмера, подарили ей вечность. А как известно:

Боги не плачут.

Глава 3. Делулу

Год неизвестен, месяц неизвестен, время на часах 00:00 вечности. Локация неизвестна. Приобретенные аномалии: Антитекстура, Песочница и еще что-то в тумане Скаба. Территория: Топи Ржавых Молитв.

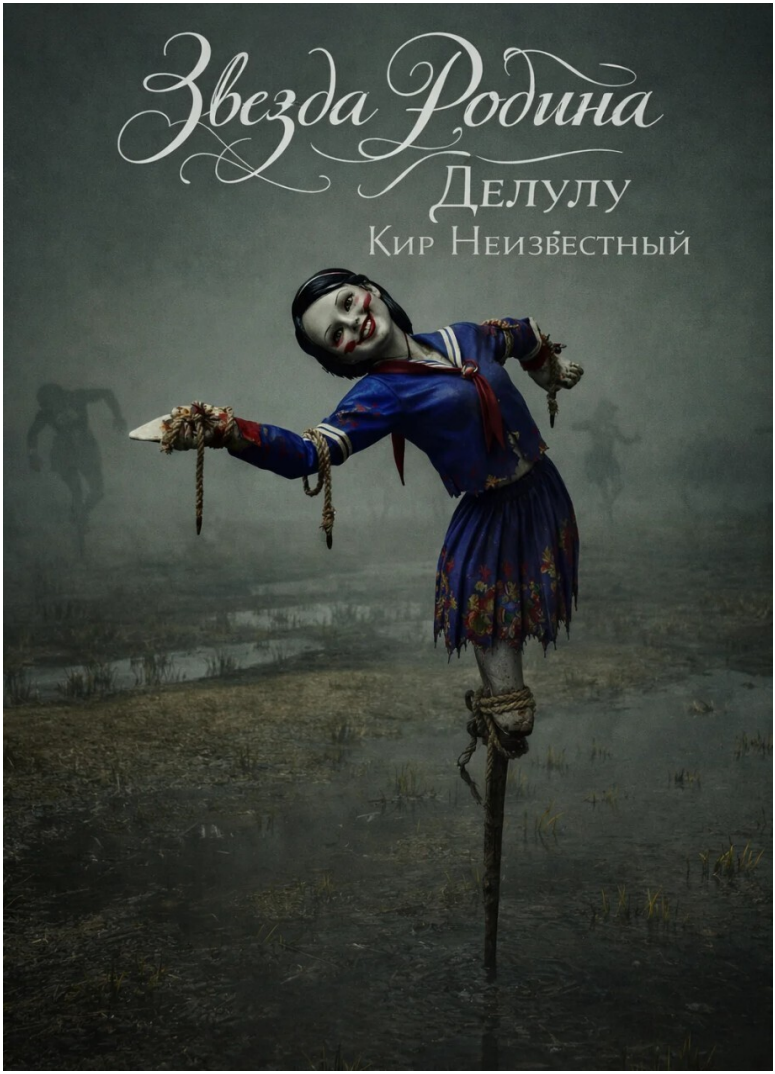
- 8 октября 2025, у берегов Папуа - Новой Гвинеи, нами были найдены осколки межзвездного объекта, которые содержали остатки межзвездного вещества, а точнее биологическую материю, которую впоследствии связали с образовавшейся комой кометы 3I/ATLAS. В ходе проведенного нами анализа, были выявлены агрессивные формы живого клеточного организма, который эволюционировал, если так можно сказать, в стойкую форму полипа. По ходу экспериментов

над мышами пострадали несколько научных сотрудников, которые, подвергшись влиянию "космического разума" - я допускаю корректность термина в этом случае, проявляли сверхспособности к формированию аномалий и агрессивному поведению к участникам опытов. Организованные колонии полипов мы назвали "Хозяин голов". В борьбе с космической угрозой пришлось дойти до крайности, потому как выявленные новые возможности "пострадавших", угрожали национальной безопасности, "зараженные" были ликвидированы

Звезда Родина

Делулу

Кир Неизвестный



- Сколько я уже в пути? - Ковач не останавливался для того, чтобы ответить на риторический вопрос, заданный самому себе. - Неделю? Две? - Он выдохнул в прохладный воздух, но пара, вызванного теплым дыханием, не появилось - окружающая серая муть вечного тумана, растворила его в своих взвесях. Этот туман, наследник Великого Конфликта, достался им, победителям, после ухода с планеты Рахни. Твари, похожие на шершней и называвшиеся себя Жнецами, так и не смогли одолеть человечество, хотя, иногда создавалось ощущение, что все было не так. Какая-то Пиррова победа.

В глубине серой непроглядной мари дико и как-то неестественно закричала болотная птица. Впрочем, он не был уверен, что птица была именно болотной, и вообще, было ли это существо птицей. Корестер прислушался к себе, ожидая подсказок, но их не было. Тогда, вновь крепче, до хруста в ладони, сжал кривую палку, продолжил путь.

- Кажется неделю назад, хотя возможно уже месяц... Нет, не вспомнить. Не важно. - Не стал заострять на очередном пустяке внимания. - Случилось нападение "Отраженных". - Сморщился в отвращении, вспоминая событие. - Так себе - "Отраженные", - он хмыкнул, вспоминая недавние события, - так и пытались откусить уж слишком много, а уж ощущений было предостаточно, призраки так не кусали. Да и вообще призраки, вроде "Отраженных" ничего не могли сделать живым - не их мир. А у тех мертвяков, уж слишком реаль-

ные были зубы, черные, с остатками зеленого гноя и земли, ужасно острые и потому опасные. Если бы не его природная осторожность, он так и не заметил крадущееся приближение живых мертвецов.

- Природная осторожность? - Знакомый, глубокий и мягкий голос прозвучал в голове. Ковач ждал его раньше, но он соизволил появится только сейчас. Корестер хотел было заговорить с голосом, возможно поспорить с ним, но знал - его не услышат. Пока не услышат. - Так ты сам себя спасаешь? А я то думал, что мы друзья. - В голосе не было упрека.

Он не стал отвечать - не время еще, вел дальше внутренний монолог, однако продолжая внимательно исследовать окрестности.

- Какая разница, сколько я в пути, Скаб всё сжирает! - Он вновь выдохнул и опять дыхание бесследно исчезло в пространстве. - Ведогонь была очень ко мне приветлива, а её жители настаивали, чтобы я остался, тем более наступала пора Антитекстуры - города, наоборот, который был сразу везде и нигде. Города, в котором высотки перевернуты с ног на голову, и потому попасть в них можно только через разлом. А окна в высотках - ртутные блюдца, показывающие лживые воспоминания человеку, смотрящемуся в них. Часто засматривающихся людей утягивало вовнутрь, "на-ту-сторону". Как поговаривали счастливчики, выбравшиеся из ловушки, "на-той-стороне" был странный мир "Песочницы", который мог навечно опоить кислотными фальшивыми вос-

поминаниями, подсовывая призраков родных людей, давно умерших. Иногда эти призраки прорывались фантомами через ртутные блюдца в этот мир, и тогда люди, видевшие эти призрачные тени, сходили с ума.

- Постой. - Монолог с самим собой не осадил, однако, его широкого шага. - Был еще город, каменный. - Он сморщил лоб, пытаясь вспомнить. - Как же его звали? - От натуги надул щеки. - Нет, не вспомнить. А хотя был ли этот город? Возможно, что Скаб пряча от меня воспоминание, подсунул то, чего не было? Вероятно, этот город был, но случилось что-то ужасное и Великий Скаб в своей милости принес мне забвение? - Ковач понимал, что такое вполне возможно. Все возможно, если тебя окружают подобные явления, как Антитекстура и Песочница.

За спиной забулькали надуваемые болотным газом пузыри, а надутые и не могущие более держать давление, с громким хлопком лопались. К подобным звукам можно привыкнуть. А вот та птица, или не птица, а какая-то новая болотная тварь, сотворенная Топями ему на погибель, почему-то тревожила. Хотя повода для паники пока не было, если и была опасность, внутренний голос ему подскажет. Он очень надеялся, что голос и этот раз подскажет, предупредит об опасности.

Ковач иногда останавливался, прислушиваясь к пространству. Но вокруг была почти тишина, изредка прерываемая звуками пищеварения болота - обычное состояние

мира, после Конфликта. Отныне тишина и молчание стали языком выживания. Настоящую человеческую речь не часто услышишь, если только не в каком-то большом городе. Да и вправду сказать, и в городах, где ему посчастливилось побывать, не особо разговорчивыми были жители. Хотя в Криничье было исключение. Он вздохнул-выдохнул, пара от дыхания не было, а может он сам выдыхал этот туман, что окружает со всех сторон и потому не видит ничего, кроме этой чертовой серой хмари.

- Ну не могу я остаться! - Отвечал Ковач своим мыслям, отвечал невидимым собеседникам. - Не могу! Они ждут меня в Большом Сияющем Городе, в Омега-Гэст! - Порой Омегу еще называли Болотный Узловой, за то, что тот располагался по центру Топи Ржавых Молитв. Топи — это как раз то место, в котором проявления синтетмера - вещества изобретенного Рахни для создания жутких полуживых, полумеханических существ вроде ветофанов, особо были часты и ужасны. Каких только тварей не прижилось в Ржавых Молитвах, но казалось, что жители Омега-Гэст ко всему привыкли, и чаще улыбались, видя в тумане очередной кривой силуэт - результат неудавшегося генетического эксперимента инопланетян, прежде чем нажать на спусковой крючок огнестрельного оружия. Местные настолько привыкли к этим жутким тварям, что все чаще объявляли сафари на болотах, а после хвастались друг перед другом трофеями. Хотя сам Ковач, хоть и бывал довольно часто в верхнем районе Болотно-

го Узлового, всего этого лично не видел - зато об этом часто слышал от караванщиков, а те, должно быть, видели сами, если рассказывали всем "провинциалам", что жили разбросанные в туманном пространстве Скаб. Эти туманные странники были теми еще врунами.

Справа от него что-то громоздкое упало в воду. Ковач резко остановился, прислушался - звуков больше не было, и он уже было хотел идти дальше, но тут голос зашептал, предупреждая:

- Осторожно корестер. Осторожно. Не шагай, ноги не переставляй. Жди. Дай ей пройти.

Послышалось сопение и потом тяжелые металлические шаги, сотрясая землю, стали удалятся в сторону от него. Очередная механическая тварь, созданная Рахни и еще не сдохшая под гнетом Скаба, охраняла давно пропавшие границы уже несуществующей военной базы, или складов, или лагерей. Или еще какого-нибудь осколка прошедшего Конфликта.

- Теперь можно. Теперь иди.

Ковач знал наверняка, что был в Большом Городе район под названием Гэст-Хаб или в простонародье "Институт", где часто происходили необъяснимые вещи, о которых жителям остального Омега-Гэст знать было не положено, тем не менее, абсолютно все были осведомлены от "надежного источника", вроде "Леха видел своими глазами", о разрабатываемом межзвездном ретрансляторе, совместно с каким-то

людьми, о которых поговаривали, что они инопланетяне. А еще болтали, будто некая тварь - вымазанная в саже ведьма, результат таинственной программы "Зов", что призвана была найти целый новый мир и открыть ворота людям для переселения - полностью обнаженная девка, вырвалась с нижних лабораторий, захватила половину "Института", обратив его служащих в "черных существ с обожженной кожей и невероятной физической силы. И только объединенными силами корестеров, смогли злую тварь запереть на семидесятом подземном этаже, залив проходы к нему тяжелым бетоном. Поговаривают, что до сих пор снизу слышны дикие крики "обожженных".

И такое довольно часто случалось в Гэст-Хабе.

Ковач думал, что помнил именно то время таким. Что именно тогда впервые проявился голос, назвавшийся Эхом, и именно тогда он спас Ковача впервые. Спас от твари, у которой глаза были в ладонях, и чтобы видеть, тварь протягивала руку вперед, выпрямляла пальцы и будто что-то хотела сделать, но лишь шептала ужасным голосом:

- Я видел АД.

Он не понимал, что ей нужно было, до тех пор, пока у той, не разломилась грудная клетка посредине, а в ней показались зубы-иглы. Так он впервые увидел не до конца сформированного первого болотного мутанта, Ил-Обнимателя. Твари, нападающей в Топи Ржавых Молитв и растворяющей жертвы в чумном облаке. Как будто тогда он впервые услы-

шал ГОЛОС, приказавший: - "Беги"!

Как же это было давно! Эту тварь он увидел, когда был совсем мал, что-то около семи лет, совсем малыш, и помнил, как до смерти перепугался. В тот момент было совершенно массовое нападение на Омегу-Гэст, о чем Ковач узнал позднее из разговоров постовых, и именно тогда погиб профессор Селезнев, на которого возлагали надежды по спасению человечества.

Он снова вспомнил о Ведогони и её гостеприимстве. А еще то, что там он говорил с настоящими людьми.

- Говорил с людьми! - Корестер горько выдохнул в пространство, облако пара вновь не было. - Как же это прекрасно - говорить с людьми. Слушать человеческую речь. Только сейчас понимаю, что слова будто мелодия, складываются в узоры, раскрываются смыслами. И они, эти слова, остаются надолго со мной, только для того, чтобы можно их проиграть как виниловую пластинку, наслаждаясь эмоциями и проговариваемыми четкими буквами. - Ему особенно нравилась резковатая "Р", которая резала плотное пространство словно раскаленный нож сливочное масло. И потом, уходя от людей, в долгий путь, в который верил только он один, надеялся, что речь, диалоги, останутся с ним надолго, если не навсегда. Но память не помогала, она только обнадеживала, но всегда, когда ему нужно было, подсовывала совсем не то. И тогда Ковач забывал слова, забывал диалоги. Кроме той резковатой "Р".

Прекрасная, теплая, уютная и радушная Ведогонь...

Ковач не мог сказать правду добрым людям Ведогони, что его путь, вся оставшаяся жизнь, посвящена последнему, что имеет смысл - нести "Искру" туда, где она нужна больше всего. Хотя, кто определил, что она нужнее в Большом Сияющем Городе? Почему бы ему не остаться в той же Ведогони, или, скажем ничем не хуже Криничье? Тем более, в последнем ему предложили "личную усадьбу", организованной в отвоеванном "Доме, растущем корнями вверх". Ковач тяжело выдохнул, и вновь пара не появилось, не отмечая для него факта, что он хотя бы еще жив.

Резко и пронзительно закричала болотная птица, корестер не повернулся на крик, не стал реагировать. Да и для чего, когда здесь, на болоте, всегда что-то происходило, что сложно было объяснить. Впрочем, в мире, в котором случился Конфликт, теперь все так - ничего нельзя объяснить. Ничего не понятно. Может было бы лучше, помни люди о своем прошлом, но Скаб вычистил мозги. А что не смог Скаб, БрейнРот, похититель мозгов, кислотный паразит завершил. Именно эта тварь иссушила мозги целого поселка. Кажется, это были Родники.

- Господи! Что же сотворил проклятый паразит с теми несчастными! Какой это был ужас! Даже для меня, а уж я-то повидал всякого.

За его спиной сипло засопели, заскрипела деревянная уключина, будто некто невидимый, пытался с помощью жу-

равля наполнить ведро воды из глубокого колодца. Потом бумкнуло эхом, поднимая сотни отражений звука от утонувших в тумане препятствий.

- Целая высотка. - Вернулся он мыслью. На странные звуки оборачиваться не стал, если бы было что-то опасное, то непременно попыталось его нагнать. - "Дом, растущий корнями вверх". - Он отрицательно покачал головой, отвечая внутреннему диалогу. - Нет, не могу. Не могу.

А Криничье понравился ему - сильный город, с крепкими корестерами и красивыми женщинами. Город был буквально наводнен детишками, в большинстве красивых и здоровых, радостно улыбавшимся ему в ответ. Жителям города удалось ранее невозможное - они отвоевали у Антитекстуры целый район,

Заморок, так его называли местные - место, где теряли опору, попадая в Антитекстуру.

Отвоевали со всеми его богатствами, охотничьими угодьями и урожайными землями. А еще в Замороке светило и грело Солнце! Подумать только - Солнце! Он так и не привык к нему, слепо щурясь в обжигающих лучах.

Солнце.

Давно забытое слово, понятие. Забыта его сила и тепло. Ласка летних лучей, радость весенних восходов и грусть осенних закатов. Ослепляющая зимняя белизна и летняя обжигающая нега. Так это было непривычно и даже немного странно его вновь видеть.

Это уже потом, он, вываливаясь из студеного ртутного зеркала в привычную серую слизь мари, понял, что Кринички само попало под влияние Антитекстуры. Что сам Скаб вмешался в ту войну, чтобы порядок, теперь ставший извечным, не ломался. И тогда он понял, что сильный город с красивыми людьми и здоровыми детьми, сам давно мертв. И он, этот город усопших, чуть не утянул его за собой. Будь она не ладна, это проклятая Песочница! А еще теперь нерушимая эпоха Атлас! Будь она тоже проклята!

Так шел он, одинокий путник, держа в руках изувеченную и скрученную палку, заменившей ему посох. Ковач, будто древний монах, брошенный, одинокой соломинкой, катился по водам времени, которые, кстати сказать, навсегда перестали соответствовать верному ощущению течения того самого времени. Оно теперь могло замедлиться, потечь в обратную сторону, а бывало и вовсе изменить вектор, и вместо "назад-вперед", перетечь "вверх-вниз". Это сильно ощущалось, когда подобные Антитекстуре выверты, могли показать будущее другой вселенной или, напротив, прошлое умершего мира. От подобного всегда голова шла кругом.

- А как объяснить людям, что я видел? Как им рассказать о том, что я понял? - Он поднес ладонь к лицу, оттер его. Ладонь осталась сухой. - Как в случае с этим туманом, я его ощущаю как влажный и липкий, но, однако он не мокрит мою одежду и тело, не оставляет следов дыхания. Как это рассказать человеку, не бывавшему в наших проклятых ме-

стах о таком? Он же не поймет. Так же, как и все встречавшиеся люди не понимают подобных эффектов-вывертов, которыми любит так удивлять Антитекстура.

- А еще "живые мертвецы". - Его посох ударился о преграду, Ковач не стал опускать голову, искать взглядом то, что преградило путь. Провел над тем местом рукой, с зажатой в ней опорой, не нашел ничего интересного - скорее всего камень. Продолжил идти и размышлять. - Они тоже произведения синтетмера? Или это что-то другое? Если они искусственные, то почему так похожи на тех, кто недавно умирал? А если настоящие, то кто их возрождает? Не ясно. Понятно одно, что "живые мертвецы" возвращались лишь для того, что нанести вред живущим, свести с ума, прокусить кожу, отравить ядом, забрать с собой. - А куда забрать? Где это их "забрать с собой"? - Ковач всегда думал, что мертвые приходили через выверты "города с домами-растущими-корнями-вверх". Была такая уверенность, особенно окрепшая после того, как сам недавно побывал в Песочнице.

Пронзительно закричала птица. Странный и какой-то "неживой" был этот крик, и почему-то, показавшийся ему удивительно знакомым. Но повода для беспокойства он пока не ощущал.

- Песочница манила Криничьем. Я бы мог там остаться навсегда. - Он горько крякнул. - А ведь и не понятно, где на самом деле реальность: здесь, в этом утопленном в поганом болоте, мире. В мире, так похожем на тот, который как-то

выпятился, надувавшим пузыри, будто кипевший бульон, зеленом болоте. В том месте раньше, казалось, что еще в прошлой жизни, существовал город счастливых людей. Но, на самом деле, это был не обычный город, в котором изобретались военные технологии, помогавшие в противостоянии с Рахни. По нему-то и был нанесен один из первых ударов инопланетян, превративший все живое в биологический бульон. Как раз там и появились первые аномалии, вроде ядовитых облаков, на самом деле бывшими колониями амеб, гравитационные ловушки, невидимая паутина и много чего еще. Хотя, многие старики, которые помнили, как было "ДО", говорили, что все началось с города Мегатонна - мегаструктуры из спрессованных обломков городов, постоянно меняющий очертания и крадущий воспоминания людей. Именно этот город, являясь центром катастрофы, в которой множился своими творениями Конфликт, породил Скаб. С отвращением Ковач сплюнул - упоминание Мегатонны всегда вызывало в нем отвращение.

И это теперь его реальность. Реальность без Солнца, без сезонов, без дня и ночи. А в Криничье было все. И люди, казавшиеся такими живыми. - Так где же настоящая жизнь?

Его импровизированный посох, гулко ударился о предмет, по звуку схожим с деревянным. Ковач резко встал, осторожно приблизил посох к тому месту, где тот недавно встретил препятствие, палка упруго уперлась в некий предмет, пружинно сопротивлявшийся его напору. Дерево.

Он подошел ближе, туман не сразу давал понять, чем это могло оказаться. Впрочем, эта поганая марь всегда была столь однозначна в своих реакциях, всегда последовательна в том, чтобы сохранить в тайне и глубине влажных чресел то, что считала только своим. А по большей части, или по своему обыкновению, этим оказывалось мертвым, с душком разложения, родственным ей самой.

Корестер подошел ближе, протянул руку, дотронулся ладонью в перчатке, сжал в пальцах.

- Шест, брус, древко. - Оценивающе подсказало тактильное ощущение.

Поднял руку по дереву вверх, и отпрянул в ужасе. Сверху свешивались две детские подростковые ноги, обутые в сандалии, так похожие на детские. Худые коленки в тканевых колготах и короткое изодранное платье. Ребенок на шесте!

Он сразу её узнал! Проклятие подобных мест - Делулу! Ребенок-кукла, собранная из синтетмера и искусственного, человекоподобного существа - пластикового манекена! Исчадие ада, придуманное извращенным разумом Рахни!

- Нет! Тебя не должно быть здесь! - Он со злостью ударил посохом по дереву бруса, сверху которого был закреплен манекен, не по погоде и не времени года одетый в бордовое с белым горошком, платье. - Ты не должна быть здесь! - Ковач вновь со злобой ударил по древку! - Скаб тебя дери! Здесь не твое место! - Вновь глухой удар по шесту, дерево гулко задрожало, но выдержало, не треснуло и не лопнуло, на что

надеялся Ковач. - Твое место в Топи! Слышишь! Слышишь меня! - Вновь удар по шесту.

Раздался чудовищный хруст, будто ломалась изнутри засохшая корка, словно сам Скаб трещал по швам. Голова манекена повернулась, стеклянные глаза, сделав несколько оборотов, остановились на нем, злобно расширяясь нарисованными зрачками. Белый рот с рельефными губами, лопнул в центре, разъезжаясь в стороны и поднимаясь уголками. Брызнула кровь, окрашивая кожу у рта в красное, а улыбка приняла форму рваной нервной, хищной усмешки. Чудовище повернулось, скручиваясь телом, раздался отвратительный хруст разламываемого искусственного тела, подняло вверх тонкие белые руки, со слипшимися, не оформленными в отдельные пальцы, ладонями. Поплыло на ветру, всматриваясь в Ковача, блестевшими бусинами глазами. Скаканула на единственной палке-ноге корестеру навстречу. Он отступил, споткнулся о болотную кочку, сел в трясину. И тут ему вспомнилась ярким пятном картина из прошлого, хотя подобного давно не было. Не было подобных видений, которые пропали ровно после того, как Рахни ловчей сетью накинули на мир Скаб, лишивший людей памяти. Вспомнил, как в прошлом, при посещении Омега-Гэст, тогда еще бывшей на несколько сот километров ближе, чем сейчас, хотя он и ходил всегда одним и тем же маршрутом, так же вляпался в эту скверну, выродка синтетмера. Наткнулся на Делулу, смесь живого человека и искусственного тела, и чуть не по-

гиб, доверившись эмоциям, которые всегда обманывали.

Он помнил, и это, с одной стороны радовало, с другой пугало, как он, очутившись в Топи Ржавых Молитв, искал, заблудившись после первого выверта Антитекстуры и жидких песков Песочницы, вырвался в то болото. И как встретил её:

"Бестужев Валентин Алексеевич. Так его раньше звали, еще до того, как Конфликт захватил планету. А потом, за крепкое телосложение и узловатые, характерные для кузнеца руки, был прозван среди корестеров Ковач. Корестеры не обычные вояки, а намного круче простых охотников на уцелевшие послевоенные сокровища. Такой себе организованный спецназ среди лучших, Ядер-Ханты.

Получилось так, что в стылый ноябрь, выкинула его Песочница, прямо в Топь Ржавых Молитв, болото, усеянное гнилыми кочками да останками инопланетной военной техники. Под ногами скрипело, в носу свербело и хотелось чихать, но не чихалось. В глазах собиралась болотная влага, копилась в уголках водой, стекала каплями слез. Да и вообще, после сухости и раздражающего поползновения вездесущего песка, от мертвецов, пытающихся завести вглубь, в трясины зыбучих мест, лишить памяти и сил к сопротивлению, это место ему почти нравилось.

От его снаряжения ничего не осталось целого, боевой запас он или растерял на просторах воронки, или расстрелял, был пуст. полевые запасы еды тоже закончились, а желудок уже напоминал о себе скрипучими кислотными позывами,

отправляя горькие ядовитые сгустки к глотке, словно вестников с плохими известиями.

Он вспомнил, что когда-то случилась такая битва, в которой много полегло Рахни. Никак эти инопланетные твари, называвшие себя Жнецами, не ожидали скорого наступления технологической эры Атлас, защитивший Землю. А она пришла вместе с союзниками декуанцами и ханарами. Земляне разгромили космический флот Сун-Сэ, а то, что осталось от него, вылилось потоками в подобные низинки, как эта, ранее занимавшею земным поселком, под названием Трофимовка. Понятное дело, людей оттуда вывели, да вот осталась живность какая-то, что не ушла с хозяевами по разным своим причинам. Они-то и стали тем первым биологическим киселем, в котором заварилась впоследствии эта странная жизнь, что населила современное болото.

Топь Ржавых Молитв.

Ноябрь или декабрь, а еще может июль или август - теперь никто понятия не имел, какая погода или сезон, всегда слякоть, изморозь, сырость и туман. Солнца нет, оно скрыто давно, будто уничтожено каким-то секретным оружием Рахни. Да, к тому же, когда Сун-Сэ встала на орбиту, между Солнцем и Землей, её невидимые силовые поля забрали все тепло, весь свет, скрыв навсегда родительскую звезду. Хотя, некоторые поговаривали, что так могло произойти из-за влияния загадочной Черной Звезды. Из-за Родины. Будь она не ладна! Будь не ладна, эта чёрт-её-дери эра Атлас! Будь про-

клят тот день, когда земляне решились помочь спасательной миссии и приняли инопланетян. Как выяснилось, за ними велась охота Жнецов, которые освоив технологию "Блуждающей Земли", навлекли горе на всю Солнечную систему. А теперь еще и это осточертевшее болото!

Мало кому удавалось по своей воле выйти из неё живым и здоровым. Мало кому живым и почти никому здоровым. А бывало так, что просто с ума сходили, и оставались вечными спутниками Топи, ходили в тумане скрюченными тенями, тыкали кривыми сухими ветками в илистое дно, ища что-то утраченное и разговаривая с вымышленными собеседниками. Их так и назвали - Тенебродцы Топи. Понятное дело, пользы от них ноль, но хоть не мешали проходящим мимо.

Зеленая вода, выдавливая из-под ног маслянистые разводы тины и не допускала всплесков под шагами, забирала все звуки, колебания, топила движения и время в своей безмятежности. Иногда казалось, что это лучшее, что может случиться с человеком, уставшим от борьбы, уставшим от вечной сырости, одиночества этого мира. Порой реальность была и вовсе странной, убеждая в том, что они тут, на глубине атмосферы, давно утонули, а та Топь, что сейчас под ботинками, попросту не сформировавшееся дно этого огромного всепланетного болота. А если везде болото, если они и взаправду утонули, так для чего дальше бороться, сопротивляться? Или все же не так? Все же человек остался челове-

ком даже в этом богом забытом месте?

Ковачу почему-то вспомнился неказистый мужичек, со всклоченной короткой бородкой, росшей из него кривыми кочками, но при этом надежно скрывая в себе рябые губы и плохие зубы владельца. Звали того человечка Игнат, и дорос он ровно до плеча Ковача. Но зато гонора в нем было на них двоих. И не имея иных достоинств, любил хвастаться перед всеми встречными-поперечными Игнат своими любовными похождениями:

- Четыре! Слышите! - Поднимал прокопченный короткими "козьими ногами" человечек указательный палец на уровень виска, чтобы у собеседника вскипала грошовая зависть за то, что, как думал Игнат, было только его заслугой. - Четыре раза! Она умоляла меня остановится! Ха-ха! Слышишь! Умоляла.

Правда никто не слышал, да и никто не спрашивал в котором веке это с ним случилось, но кивали в ответ, понимая его нехватку. А как-то раз, после очередного выхода Ковача на поверхность, не встретился ему Игнат. Он не сразу обратил внимание на отсутствие того, но как-то, после летучки их небольшого отряда Ядер-Хантов, выходя из зала совещаний и уже ожидая многозначительных поднятий пальца, вновь не встретил Игната. Заинтересованный Ковач прошел вдоль коридора, что петлей уводил вглубь Гэст-Хаба, потом вернулся назад. Ему встретился кто-то из корестеров, которого он вежливо попросил рассказать о судьбе отсутствую-

щего, на что получил ответ, что Игната нет как пара дней. В розыск пока не объявляли, но раз им заинтересовались, то это сделать может он за родственников. Ковач согласился. Примерно представляя привычки Игната, первым местом его посещения стал рехаб при фонде содействия ветеранам в верхнем городе Омега-Гэст, и сразу оказался прав. Ему наперерез выскочила достаточно молодая и привлекательная девушка с заплаканным лицом, схватила его за руку, уперлась, не захотела его отпускать, требовала рассказать, что случилось с Игнатом. Он старался успокоить её, объяснить, что все нормально, что они с ним старые знакомые, и что он ищет его, чтобы обсудить новости по работе.

Она не поверила, но отпустила. Ушла, размазывая темные полосы от окрашенных черной тушью слез. Её звали Юлей, двадцати четырехлетняя сирота, дочь корестера и санитарки блока "А", прославившегося борьбой с инопланетным биологическим заражением. Её отец погиб еще в двадцать восьмом, схлопотав пулю "дружеского огня", а на маму напал облученным мутант, бывший пленный Рахни, из которого те пытались создать "совершенный организм", но, как и в прочих экспериментах удачи не имели. А на следующий день он узнал, что Игнат на какой-то чёрт, увязавшись за группой преследования, пропал в Топи. Поговаривали, что видели его, или похожего на него в тумане на болоте, видели этот неповторимый знак - прокуренный палец у виска. А еще через четыре дня пропала Юля после того, как стала оконча-

тельно сиротой.

Ковач шел медленно, преодолевая сопротивление зеленой жижи, и думал, что настоящей бедой стало то, что каждый раз на пути следования путников, появлялась новая невообразимая тварь, имевшей чужие, непонятные человеческому умы, мотивы. Как и в этот раз, как будто было мало ему недавних "приключений".

- И-и-и-я! - Ноги не слушались, перебирали под собой вязкое и липкое нехотя, утягивались за теми "руками", что встречали его снизу. Это потом он понял, что никах "рук", конечно, не было. Было болото, и Топь. Корестер сгруппировался, подтянул ближе к груди автомат, подобрался и сумел удержать равновесие, не сверзится в этот гнилостный отстойник. Сплюнул кровь - результат того, что неосторожно прикусил щеку, оттер ладонью в перчатке без пальцев жесткую бороду, огляделся.

Резко и дико кричала какая-то взбалмошная птица, которая ну никак не могла жить до Конфликта. Скорее всего это была даже не птица, а какая-нибудь новая облученная тварь, как в прошлый раз ему попалась. Тогда это стало существом, зажатым во влажный тонкий мешок-плеву, без рук, головы и как такого туловища. Только тонкие ноги торчали в стороны. Ил-Обниматель. С виду не такая уж опасная тварь, медлительная, безмозглая, ведомая инстинктами и вроде коллективного сознания Топи. С перепугу Ковач расстрелял всю обойму. Хотя можно было пройти мимо, тварь неповоротли-

вая, вряд ли смогла бы догнать его.

Решил не тратить времени зря, развернулся, и осторожно ступая, стал продвигаться вперед, ощупывая твердые на вид, но обманчивые кочки. Под ногами жадно чавкало, в сапогах мерзко скрипело болотной водой. Ужасно хотелось курить, но весь свой запас пришлось оставить в Песочнице, иначе он мог не выбраться оттуда. При воспоминании о недавнем своем приключении, в который раз грозившим ему гибелью, Ковача передернуло. Резкий крик птицы раздался гораздо ближе. Почему-то росла уверенность, что это все же не было птицей, уж слишком медленно ОНА преследовала его. Обернулся. В тумане Топи бродили как минимум две кривые фигуры Тенебродцев, а вот дальше за ними, глубоко в ватной пелене, маячила тонкая высокая полупрозрачная, от рваных течений мари, фигура. Колыхалась на ветру, которого не было. В Топи Ржавых Молитв никогда не было ветра просто потому, что само Болото не пускало ничего вовнутрь.

Что случалось в Топи, оставалось навечно в Топи.

Ковач понимал, что выяснять, что преследует его, не стоит. Он не останавливался, старался не оглядываться, даже несмотря на то, что очень хотелось. Он знал, что за спиной дергалась и пульсировала смерть. В Топи все было для того, чтобы сожрать, утопить или свести с ума. А еще, он больше всего, больше других проявлений мутаций, боялся нечто, что звалось Делулу.

Делулу.

Это были фигуры подростков, девочек, устойчиво закрепленных на деревянных шестах. Раньше, до того момента, как случился Конфликт, эти фигуры принадлежали разного рода магазинам, и стояли в витринах, изображая модели людей, подростков для детской моды. А потом синтетмер изменил их, придав фантомные признаки человека. И теперь, когда удавалось замечать их, эти странные фигуры, а они, в ответ, замечали вас, улыбались ужасной, отвратительной рваной усмешкой. Улыбались не сформированным ртом, грязной линией губ, безумным выражением искусственных стеклянных глаз. Но настоящая жуть начиналась тогда, когда фигуры двигались на своих шестах, всплескивали руками, наклоняли головы и призывно махали вам руками, затягивая в топи. Кто еще мог породить подобных кентавров, сфинксов, кроме извращенной мысли Рахни? Как поговаривали в Омеге-Гэст, так проявлялись свидетельства возрождения хеттов, первых синтетических людей, теперь воскрешаемых вместо не оправдавших ожиданий Северянинов. Хотя, с тем же успехом, Рахни попытались бы развивать и дальше ветофанов - ничего у них не получится и в этот раз, как и во все предыдущие. Лишь добавят жути в современный постапокалиптический мир.

И все же, насколько чудовищны эти создания. Как их там прозвали в Большом городе Омеге-Гэст? Первые Делулу, выросли из кислотного паразита БрейнРота. Поговаривали, что паразит этот, БрейнРот, появился на заре эпохи Атлас,

во время самого страшного дождя, вызванного гравитацией Сун-Сэ, что проходила на расстоянии Луны, и изменила приливные силы планеты.

И только потому проклятая планета, с черными железными облаками разминулась со спутником Земли, что та находилась на противоположной стороне. И вот тот дождь, что длился несколько суток, принес с собой отвратительных жирных гусениц. БрейнРот, так их прозвали за то, что они проникая в спящего человека, питались им, а продукты жизнедеятельности откладывались в мозгу жертвы, а после, взаимодействуя с клетками и нейронами, отравляли их ядом, разъедавшим мозг. Но и это не все! Самое ужасное было много позже! Отравленные клетки делали из людей жутких монстров с сумасшедшей издевательской усмешкой на губах во весь рот, а из глаз и губ стекала коричневая жидкость - продукт отравления разума. И когда люди становились такими, они готовы были на самые отчаянные поступки, продиктованные прожженным разумом. Так появились первые безумные набитые требухой чучела, мутировавшие из людей, и уже после, БрейнРот освоил настоящих кукл, манекенов. А Рахни оставили попытки создать новых существ из людей путем мутации последних из-за сложности их контроля, потому-что последние бесцельно разбредались по земле, и где-то бездарно погибали. Рахни нужно было контролируемое уничтожение.

В течение первых месяцев Конфликта появились боевые

механоиды, выращенные где-то в биолабораториях Сун-Сэ и их побочная ветка - ветофаны. А Делулу стали чем-то вроде кошмаров, которыми пугали детей, пока о них снова не заговорили, встретив на Топи Ржавых Молитв, что своей подошвой примыкала к южному выходу Омега-Гэст.

Эти живые куклы, Делулу, если им удавалось завлечь кого-то, хватали негнущимися искусственными руками манекенов жертву, в центре груди разевали пасть, полную острыми зубами-шипами, и выпускали ядовитое зеленое облако, оборачивающее жертву и дарящее ей чумное гниение. Ужасная и очень глупая смерть.

- Иди. Иди. Иди ко мне. - Эхом, много крат отраженным от неба, которого не было, от ватных, мечущихся белесых простынь тумана, от глади болота, голосом женским, молодым и ласковым, позвали-поманили. Голос обещал счастье, тепло, домашний уют и бесконечную любовь. - Иди. Иди. Иди ко мне.

Ковач не удержался, обернулся. В тумане высилась тонкая фигура, плавно размахивала руками, выкидывая их в стороны. И уже прорисовалась голова, небольшая, женская, аккуратная. Можно разглядеть характерные черты, короткое потрепанное платье. Вот только довольно высоко оно, это платье, заканчивалось. Неестественно все это было. Да и вообще, встретить женщину в подобном месте..., а если все же ребенок? Если девочка? Если она из тех, из первых? Ковач судорожно сглотнул вдруг ставшую тягучую слюну.

- Иди. Иди. Иди ко мне. - Вновь отраженным эхом вернулось с четырех сторон: слева, справа, спереди и сверху.

- Уж не ангелы ли меня призывают? - Пришла Ковачу мысль, но он тут же от неё отмахнулся. - Откуда в этом разрушенном, проклятом самим Сатаной мире взяться ангелам?

Фигура выдавилась из тумана, будто оттиск в гипсовом волокне, все еще не имеющий свой цвет, но уже объемный: женская фигура на тонком шесте, тонкие руки сжимают колеблющиеся на ветру ленты, сгибаются в локтях, призывно машут, манят к себе. А еще это странное выражение - счастливой улыбки и безумный взгляд искусственных глаз.

И вдруг, самым непостижимым образом, неподдающимся объяснению им самим, Ковач узнал её! Да и как не узнать! Как её не узнать, когда как будто вчера видел заплаканное лицо, черные полосы подкрашенных слез. Вон они, до сих пор влажными полосами сияют на щеках. Как можно забыть сироту.

Юлька!

Корестер понял, что не может дышать - сухой ком встал поперек глотки, осиным гнездом забил дыханье. В глазах поплыли красные пятна, обманывая в геометриях и окружающем тумане. А там, на единственной длинной тонкой деревянной ноге, размахивая белыми руками, неторопливо скакала с кочки на кочку, фигура в коротком платье, стараясь выглядеть модной, даже в этом чужом и стылом месте. Ещё больше странности добавляли две сгорбленные фигуры, до

этого бесцельно бродившие по туману и тыкая кривыми палками в тину - Тенебродцы. Почему-то сегодня эти странные сумасшедшие выглядели иначе, Ковач присмотрелся внимательнее и понял, что было не так. Фигуры в тумане скупо и неуклюже размахивали руками, а их взмахи стали короткими и отрывистыми - руки будто укоротились. Но на самом деле было гораздо хуже, и он теперь многое понял, связав события - Тенебродцы перерождались в Ил-Обнимателей! И потому становилось отчетливо ясно, как рождались эти монстры в новом мире, эпохе Атлас.

Ковач задался вопросом, но при этом не останавливаясь ни на секунду, хотя это и было не просто:

- А что, собственно, могло получиться из вдруг пропавших, и казавшихся успешных Северянинов? Куда они вдруг все подевались? Вот, скажем, ветофаны, много хуже - неуклюжие, нерасторопные, не годные ни к какой службе или, тем более к охоте, они-то вот - все здесь. Ходят по пустошам туда-сюда, мотаются по ветру, как флюгеры. Они то почему до сих пор живы-здоровы? Или на них в отчаянии махнули рукой? Неужели для Рахни не нашлось новых ролей для прошлых экспериментов? Или все же они стали настолько неудавшейся мутацией, что уже не изменить, не исправить? Так и бросили их всех здесь, в надежде, что сами сгинут?

- Иди! Иди! Иди ко мне! - Догонял, прорываясь сквозь ватную пенистую угрюмую пасмурность, ласковый теплый голос, как ему представлялось, живого человека. И так хоте-

лось вернутся, прижать её, прижать Юльку! Такую теплую, почти родную! Хотелось еще больше, особенно после того, как он вырвавшись из цепких лап Песочницы, с трудом выдыхал из себя горечь потери.

- Как же хреново! Как все хреново! Невообразимо, нечеловечески, сверхъестественно, бесконечно хреново! Быть одному и осознавать, что это навечно, навсегда. В пустоте, в безвоздушном пространстве, в холоде и черноте, без звезд и Луны. Без Солнца. Окруженным туманом и неизвестностью. А здесь его зовут. Зовут подарить тепло, человеческое или не человеческое. Без разницы. Но главное - быть кому-то нужным! Быть даже с ЭТИМИ, с болот!

Он остановился и обернулся. Выдохнул, и стал ждать ЕЁ.

Делулу пропала. Это было очень неожиданно, как если бы пропало что-то значимое. Вот, вроде была только что сейчас здесь, перед ним, а потом резко исчезла. Зато Тенебродцы приблизились, превратились из теней в осязаемые и обтекаемые туманом объемные фигуры. Вот одна из причудливых фигур поднимает кривой указательный палец на уровне виска, и он мелко дрожит от усилия. И что-то такое в этом жесте до боли знакомое, что Ковач не смог удержаться, крикнул в облачную взвесь:

- Игнат!

Голос свой не смог узнать. Казалось, что проскрипело не смазанными петлями дощатая дверь, не открывавшаяся вечность и здесь потревоженная неизвестным, не хозяином

единственно знавшим, как с ней обращаться, чтобы не потревожить.

- Игнат! Зачем! Зачем ты тут? - Он шагнул фигуре навстречу. - Игнат! Быстро возвращайся в город! - Он сделал еще пару шагов. Под ногами хлюпало и чавкало, но он не замечал этого. Он хотел только одного, чтобы этот, будь он не ладен, НЕДОкорестер ответил ему. Поговорил с ним! - Игнат! Мать твою! Какого хрена!"

Тогда его спасли. Не абы кто, а самые настоящие Бронеходы Легиона. Это те механические существа, что изобрели Рахни для борьбы с землянами. И вот они, спустя годы, а может и десятилетия, восстали против своих создателей и перешли на противоположную сторону. Никто не знал, почему так произошло, но было предположение, что в этом каким-то образом замешаны ветофаны, а возможно и Северянины, хотя последних не видели с самого окончания конфликта.

А сейчас его спасать некому!

Делулу наклонилась ниже, всматриваясь в лицо, пронзая взглядом его глаза и цепляя колючками в мозгу, до этого неузнанные участки, теперь всплывавшие, словно в бульоне куски человеческих тел, смутные ощущения, будто с ним уже подобное было. Но тут произошло следующее: тяжелые металлические шаги и раздраженное пыхтение, яростный скрежет и вой механизмов, а потом жестокий разрушительный удар, отозвавшийся где-то в нутре вибрацией. Ковач еще не видел, но слышал, как механизм остановился, как

кто-то массивный спрыгнул в воду, и та разлетелась брызгами.

Подошли, осторожно взяли за одежду, поставили на ноги, проведя огромной ладонью по одежде, отряхнули. И только теперь он понял, что это был никто иной, как сам Северянин! Огромное и сильное существо, произведение Рахни, сотворенное в объединение синтетмера, БрейнРота и человека.

Северянин!

Раздался треск рвущейся ткани, появился обжигающий свет, дыхание село на лицо влажностью и теплом. А потом сильный толчок, короткий полет и столкновение с жесткой землей. И вновь треск материи. Но Ковач успел увидеть, как огромная сильная голая рука мужчины соединила, закрывая два конца прорехи, в которой клубилась и шевелилась протоплазматические ложноножки - Щупальца Песочницы!

— Это была, черт её дери, Песочница! Всего этого не было! - Воскликнул сильно удивленный корестер!

Он огляделся. Вблизи, пустынным местом выделялось поле, где раньше был каменный город Каменище, а рядом разбитой куклой лежало изуродованное тело Делулу.

И тут он сразу все вспомнил. Вспомнил атаку "Отраженных", вспомнил короткий бой, брата Филиппа - вон, кстати его мертвое тело, обратившееся в Ил-Обниматель и двое мертвых Рахни. А еще вспомнил всех жителей Каменище. Вспомнил Марию. И вновь его кто-то не видимый схватил поперек горла, душа.

- За что? - Не было сил крикнуть, зато в голосе появилась такая горечь, что слюна окрасилась ею и стала нестерпимой. Он сплюнул. - Скаб? Нет, не Скаб! Не боги! Никто! Слышите вы меня! Никто, ни одна тварь не сможет меня остановить! Я корестер, и я не остановлюсь! - Он с трудом встал, не слушались ноги. - Вы слышите - я не остановлюсь!

Глава 4. Телекинетическая жрица

2031 год, 1 октября, 11.00. Бывший Поволжский Федеральный Округ, Пензенская область, Исса. Перевернутый Собор "Башня Запретной Благодати", приобретенные аномалии: Антитекстура, Песочница. Территория: Топи Ржавых Молитв.

Помните, о братья и сестры, что синтетмер — не кара, но дар, что очищает и укрепляет. Не отвергайте испытаний, ибо через них проходит путь к просветлению. Аномалии — врата, что открывают тайны бытия, и кто пройдет их с верою, тот обретет знание и силу, недоступные миру суетному. Книга Нуклеон.

В каменном зале увенчанный сводчатым потолком и ар-

ками над входами, были двое: молодая девушка в черной церемониальной одежде, сидевшая на выступе образованным нишей, в которой масляной краской выделялся лик некого механического существа, сурово взирающего в пространство тускло поблескивающими окулярами. Надпись витиеватыми буквами гласила, что сей механический господин являл собой существо высшего порядка и звался Архимехаником-Стратегом Израилем. И второй: старик, в такой же черной одежде, но шитой золотыми нитями, показывающей всем своим видом значимость человека. Старик беспокойно прохаживался мелкой шаркающей походкой и встревоженно шептал себе под нос очередную молитву, пытаясь сам себя таким образом успокоить. А сверху, с потолка, на них взирали Бронеходы и Легионеры механизированного корпуса военного крыла Института. И было ощущение, что все они только-только вышли из боя, но понимали, что это не конец, и потому готовы к продолжению.

В зале было сумрачно, пусто и гулко. Слова, даже шепот, крыльями птиц хлопали по стенам, отражались и летели обратно, сформировывая из одинокого звука крылатые стаи. Но эти двое не обращали на Эхо никакого внимания, словно подобное было привычным.

- Сара, Сара, Сара. - Беспокойно зашептал старик Сатар, облаченный в черную рясу, прошитую золотыми нитками - признак высшей благодати Темного Пророка Нуклера, по волеизъявлению самого Владыки Темной Мудрости Даркхара

Нуклера. Сатар был сухой и сжатый, будто колючая ветка акации, невзрачного вида человек, с большими залысинами, отчего не нуждался в постоянном выбривании затылка. Глаза прикрыты веками, отчего казалось, что он знает гораздо больше, чем говорит вслух, и, наверное, оттого был на особом счету у старших жрецов пантеона Темной Благодати.

Сатар хоть и не был верховным жрецом Башни, но все же занимал достойную должность для того, чтобы к нему прислушивались младшие служители, а именно Провидец Истины - должность не принадлежащая Иерархату Доктрины Темной Благодати, но весьма уважаемая и почитаемая в силу своей уникальности. Сатар был потомственным Провидцем Истины и у него, в силу уникальности, просто не было замены. Потому он иногда позволял себе вольности, за которые иным бы пришлось предстать перед Служителем Крови, а возможно и того хуже - Палачом Искупления.

- Сара, Сара, Сара. - Вновь зашептал старик Сатар. Старик, мелко и судорожно передвигал ногами, шаркая подошвами, что выдавало его беспокойство. - Кто ж тебя надоумил? Как же так получилось? - Он ткнул дрожащим пальцем в новый ожог, спиралью закрученный в новом символе. Символе-памяти, записи о будущих аномалиях. - Сара, я знаю, что ты вибрисса, знал с самого начало о твоем темном даре, но не сказал никому. Не сказал, потому что они тебя бы обескровили, ради попытки Даркхара приблизить Темную вечность. Но ты каждый раз нарушаешь запреты! И

теперь вот это, - Сатар указал трясущимся пальцем на новый ожог, неудобно выглядывающий из-под церемониальной одежды служителя темных тайн - младшего церемониального помощника.

- Дедушка. - Сара растянула губы в улыбке, ей было приятно ощущать себя хоть немного причастной к чье-то жизни, пусть это и было старческое беспокойство. - Ты же знаешь, что это ничего не значит, и я это делаю лишь для того, чтобы ты лишний раз вспомнил обо мне.

Девушка была довольно молода, хотя уверенно сказать сколько на самом деле ей лет было нельзя. Лицо круглое и темное, глаз практически не видно из-за нависающей челки. Сама же тонкая и хрупкая, но вид был обманчивым, старик не раз удивлялся её физической силе, когда она делала то, что не могли порой сильные и здоровые мужчины. Одевалась Сара всегда наперекор требованиям Нуклера, позволяя себе довольно просторные одежды, скрывавшие особенности - татуировки по всему телу. Хотя именно сейчас, перед ежедневным ритуалом, она выглядела подобающим образом.

- Не волнуйся, обещаю все будет хорошо. - Легкомысленно произнесла Сара, сама не веря в это.

Хотя, на самом деле, все было достаточно серьезно, и старик Сатар был, безусловно прав. Даркхар был еще тем подлецом, и вне зависимости от того, что Институт Механической Мысли диктовал диджитализный путь развития, проповедовал кровавый культ поклонения эфемерному божеству Ска-

бу. И оттого, что Институт допускал в своей философии безвольный истизм, что не одобрял Первый Инженер - создатель доктрины спирали и механического возрождения, Даркхар чувствовал безнаказанность.

Наперекор Институту и Великой Библиотеке, последователи Нуклефизма, запретного на территории Перевернутого Собора вероучения, организовали тайное общество Темного Нуклера, прозванного за деяния и тайные жертвоприношения Сумеречным Братством Омега - Обителей Зла. И хотя последователи Нуклера ощущали постоянные притеснения, а их религия была, если и не под официальным запретом, но признавалась не желаемой, её сила неукоснительно росла, привлекая все больше сторонников из научного корпуса тем, что имела на все понятные и простые ответы.

Поговаривали о том, что Институту пришлось однажды привлечь военное крыло в составе взвода легких Бронеходов, под командованием Тактика, чтобы те разворошили гнездо укрепившихся темных нуклеристов, проводившие еретические обряды в коллекторах Перевернутого Собора, называемого самими адептами веры - Башней Запретной Благодати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.